

Лауреат Гонкуровской премии

Пьер Леметр

ЗЕРКАЛО НАШИХ ПЕЧАЛЕЙ

Роман

Впервые на русском
новый роман от автора бестселлера
«До свидания там, наверху».

Азбука-бестселлер

Пьер Леметр

Зеркало наших печалей

«Азбука-Аттикус»

2020

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Леметр П.

Зеркало наших печалей / П. Леметр — «Азбука-Аттикус»,
2020 — (Азбука-бестселлер)

ISBN 978-5-389-19905-7

«Зеркало наших печалей» – новая книга Пьера Леметра, завершение его трилогии, открывающейся знаменитым «До свидания там, наверху». Она посвящена «странной войне» (начальному периоду Второй мировой), погрузившей Францию в хаос. Война резко высвечивает изнанку человеческой натуры: войска вермахта наступают, в паническое бегство вовлечены герои и дезертиры, люди долга и спекулянты, перепуганные обыватели и авантюристы всех мастей. В центре событий – та самая Луиза Дельмонт – девочка, которая некогда помогала Эдуару Перикуру делать фантастические маски, чтобы он мог скрыть лицо, изуродованное взрывом. Теперь ей тридцать лет. Но почему эта спокойная и уравновешенная красавица вдруг бежит обнаженная по бульвару Монпарнас?.. Зачем она отправляется в бесконечное странствие по разоренной стране? Где скрестятся пути необычных героев книги и какую роль во всем этом сыграет мешок государственного казначейства, набитый пачками стофранковых купюр? Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-19905-7

© Леметр П., 2020
© Азбука-Аттикус, 2020

Содержание

6 апреля 1940 года	7
1	7
2	15
3	21
4	27
5	30
6	35
7	39
8	43
9	46
10	50
11	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Пьер Леметр

Зеркало наших печалей

Паскалине, Катрин и Альберу, с благодарностью и самыми нежными чувствами

*Во всем, что случилось, был виноват кто-то другой.
Уильям Макилванни¹. Лэйдлоу*

*Куда бы ни шел человек, он несет с собой свой роман.
Бенито Перес Гальдос². Фортуната и Ясинта*

*Чтобы по-настоящему взволновать зрителя, герои спектакля
должны переживать настоящие огорчения, получать кровавые раны и
умирать.
Пьер Корнель³. Гораций*

Pierre Lemaitre
MIROIR DE NOS PEINES

Copyright © Editions Albin Michel – Paris 2020
Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

© Е. В. Клокова, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

* * *

В своей трилогии, которую завершает «Зеркало наших печалей», Пьер Леметр превращает период между двумя войнами в мощную, захватывающе-правдивую и трогательную фреску.
Маши Сери. Le Monde des Livres

Новая историческая хроника Леметра проникнута той иронией отчаяния, которая принесла успех первым томам трилогии. В сюрреалистических ситуациях, в которые попадают персонажи, отразился весь хаос, охвативший Францию в ту пору.
BibliObs

Настоящий приключенческий роман, качественный, предназначенный для широкой публики, амбициозный. Это написано для кино, для массового

¹ Макилванни, Уильям (1936–2015) – шотландский романист и поэт. *Лэйдлоу* – политический детектив. – Здесь и далее примечания переводчика.

² Гальдос, Бенито Перес (1843–1920) – писатель, крупнейший представитель критического реализма в испанской литературе. Прославился серией исторических романов «Национальные эпизоды. 1872–1912» в 46 томах. К 1912 году полностью ослеп, но продолжал диктовать свою прозу.

³ Корнель, Пьер (1606–1684) – французский поэт и драматург, «отец» французской трагедии; член Французской академии (1647).

читателя. Леметр действительно пишет с удовольствием, доставляя читателю истинное наслаждение.

Жан-Клод Ратьенже. France Inter

Леметр – великолепный рассказчик, который столь мастерски сплетает драматическую сеть событий, что заслуживает аплодисментов. Читатель, останавливаясь, чтобы перевести дыхание после головоломно закрученного поворота, с восхищением отдает должное этой способности внедрить в паутину истории захватывающие приключения героев, историю подлости и заслуженного возмездия, возбудить симпатию к своим персонажам... Обширная фреска с ее неумолимым ритмом и хирургически точным аналитическим срезом ситуаций и характеров обостряет переживания читателя. Порой мы вспоминаем о Дюма, а иногда и о психологизме русских писателей.

Эрик Либьо. L'Express

6 апреля 1940 года

1

Верившие в скорое начало войны давно устали ждать, и раньше других – мсье Жюль. Всеобщую мобилизацию провели полгода назад, и хозяин «Маленькой Богемы» сдался. Луиза даже слышала, как он сказал, что «никто в нее и не верил, в эту войну». По его мнению, конфликт был не чем иным, как общеевропейской дипломатической сделкой, украшенной пламенными патриотическими речами и громогласными заявлениями, гигантской шахматной партией, в которой призыв под знамена сыграл роль дополнительного тура. Тут и там погибли люди – «Наверняка больше, чем нам говорят!», сентябрьская заварушка в Сааре⁴ стоила жизни двум-трем сотням бедолаг, но: «Это все равно не война!» – заявлял ресторатор, высунувшись из приоткрытой двери кухни. Выданные осенью противогазы валялись на буфете, став предметом насмешек в комиксах. Все покорно спускались в бомбоубежища, совершая бесполезный ритуал, это были воздушные тревоги без налетов, затянувшаяся война без сражений. Только враг остался прежним, тот, с которым предстояло схватиться в третий раз за полвека, но он не собирался ввязываться в бой очертя голову. Дошло до того, что весной Генштаб позволил солдатам на фронте (тут мсье Жюль перекидывал тряпку в другую руку и воздевал указательный палец к небу, желая подчеркнуть немереный идиотизм ситуации)... завести огороды! «Вот ей-богу...» – вздыхал он.

Начало боевых действий на севере Европы (слишком далеко, на его взгляд) взбодрило беднягу, и он доказывал всем и каждому, кто соглашался слушать, что «союзники у Нарвика⁵ задали такую взбучку Гитлеру, что долго это не продлится!». Считая тему закрытой, мсье Жюль переходил к любимым объектам критики – инфляции, цензуре ежедневных газет, времени без аперитива, блиндажам, авторитаризму властей районного очага (и в первую очередь старого хрыча Фробервиля), расписанию затемнений, цене на уголь... Неприкасаемым для критики оставалась только стратегия генерала Гамелена⁶, которую Жюль считал безупречной.

– Полежут они через Бельгию, это как пить дать. А там их ждут, уж вы мне поверьте.

Луиза, разносившая клиентам тарелки с ягнятиной по-марсельски и луком-пореем под классическим соусом «винегрет»⁷, заметила сомнение на лице одного клиента, бормотавшего:

– Ждут-ждут... как же...

– Ну что ты бубнишь! – возопил хозяин, возвращаясь за стойку. – Откуда еще их ждать, а?

Он сгреб одной рукой подставки под крутые яйца и продолжил:

– Вот тебе Арденны – они неприступны!

Пламенный оратор мазнул по стойке влажной тряпкой.

– А здесь линия Мажино: ее не одолеть! Так откуда же им, черт побери, начинать? Остается только Бельгия!

⁴ Наземная наступательная операция французских сухопутных войск в Сааре, организованная в начале Второй мировой войны и продолжавшаяся с 7 по 16 сентября 1939 г. Ее целью было отвлечь немецкие силы и оказать косвенную помощь Войску польскому, которое в то время безуспешно пыталось организованно сопротивляться немецким войскам.

⁵ Битва при Нарвике (9 апреля – 8 июня 1940) – серия сражений между немецкими армией и флотом с одной стороны и коалиционными силами Англии, Франции и Норвегии – с другой. Эта часть Норвежской кампании – первого этапа активных боевых действий Второй мировой войны в Европе – была проиграна союзниками.

⁶ Гамелен, Морис Гюстав (1872–1958) – французский военный деятель, армейский генерал, главнокомандующий французской армией в начале Второй мировой войны.

⁷ «Винегрет» – базовый классический соус французской кухни. Рецепт от Режиса Тригеля, бренд-шефа ресторана «Мост»: хересный уксус – 10 мл; дижонская горчица – 6 г; растительное масло – 50 мл; соль – по вкусу; сахар – по вкусу.

Закончив наглядную демонстрацию, он с ворчанием удалился на кухню.

– Необязательно быть генералом, чтобы понять это, вот и нечего...

Луиза отвлеклась от спора на военную тему – ее волновали не стратегические выкладки хозяина, а доктор.

Этот человек уже двадцать лет занимал по субботам один и тот же столик у окна в «Маленькой Богеме», и все звали его доктором. Он всегда был вежлив, но немногословен – *добрый день, мадемуазель, добрый вечер, Луиза...* Доктор появлялся около полудня, садился, разворачивал газету, потом заказывал десерт дня – ровным тоном, мягко и приветливо: «Да-да, пирог с вишней, замечательно...» – и Луиза считала за честь обслуживать его.

Доктор читал колонку новостей, смотрел на улицу, ел, допивал графинчик, а в два часа, когда Луиза подсчитывала дневную выручку, поднимался со стула, складывал «Пари-Суар»⁸, оставлял ее на уголке стола, клал в блюдце чаевые, кланялся и покидал ресторан. Даже в прошлом сентябре, когда посетители заведения были взбудоражены новостью о всеобщей мобилизации (мсье Жюль в тот день был так страстно красноречив и убедителен, что хотелось поручить ему руководство Генштабом), доктор ни на йоту не отступил от своего ритуала.

И вдруг четыре недели спустя он улыбнулся Луизе, когда она подала на стол анисовое крем-брюле, придвинулся ближе и объяснил, о чем просит.

Предложи он ей деньги, Луиза знала бы, как поступить: дать наглецу пощечину и продолжить делать свою работу. Мсье Жюль, конечно, потерял бы самого давнего клиента, но смирился бы. Дело было не в деньгах, а... Сексуальный подтекст имелся, но...

«Я бы хотел увидеть вас обнаженной, – спокойно произнес доктор. – Один раз. Всего один. Я буду только смотреть, ничего больше».

Ошарашенная Луиза не нашла, что сказать, покраснела, как провинившаяся девчонка, и лишилась дара речи. А доктор вернулся к чтению. Девушка задумалась, уж не померещилось ли ей случившееся...

Весь рабочий день она думала только о странном предложении, испытывая то растерянность, то бешенство и сознавая, что дать отпор следовало мгновенно. Упереть кулаки в бока, как делают базарные торговки, наорать на доктора, призвать в свидетели сидящих за столиками людей, опозорить наглеца... Луиза так разозлилась на себя, что уронила тарелку, та с грохотом разбилась вдребезги на кафельном полу и вывела ее из ступора. Она ринулась в зал.

Доктор ушел.

Газета осталась лежать на столе, она схватила ее и швырнула в мусорную корзину.

– Да что с тобой такое, девочка?! – возмутился мсье Жюль, рассматривавший прессу и забытые зонты как военные трофеи.

Он «спас» злосчастную газету и разгладил ее ладонью, не сводя с официантки недоумевающего взгляда.

Луиза совсем юной начала работать по субботам в «Маленькой Богеме». Мсье Жюль, владелец ресторана, сам стоял у плиты. Крепкий, медлительный, большеносый и лопухий, с чуть скошенным подбородком и седеющими усами, он ходил в старых домашних туфлях, черном берете (никто не видел его с непокрытой головой) и не снимал щегольского фартука, готовя на тридцать человек. «Парижская кухня! – так он называл единственное блюдо, потрясая указательным пальцем, и добавлял, презрительно фыркнув: – Хотят разнообразия, пусть идут через дорогу!» Деятельность мсье Жюля была окутана тайной. Никто не понимал, как этому медведю, не покидавшему своего места за барной стойкой, удастся готовить столько вкусной еды. Ресторан не пустовал, мог бы работать по вечерам и в воскресенье и даже расширяться, но мсье Жюль этого не хотел. «Никогда не знаешь, кто войдет, если дверь распахнута

⁸ «Пари-Суар» («Paris-Soir») – крупнотиражная ежедневная газета, аналог «Вечерней Москвы», выходила в Париже с 1923 по 1944 г.

настежь... – И добавлял: – Уж я-то знаю...» Многозначительная фраза призвана была интриговать аудиторию.

Именно мсье Жюль когда-то предложил Луизе помогать ему в зале. Это случилось в тот год, когда жена бросила его ради сына угольщика-овернца с улицы Маркаде. То, что начиналось как услуга по-соседски, продолжилось, когда Луиза закончила педагогический институт и получила назначение в учебное заведение на улице Дамремон. Мсье Жюль платил ей из рук в руки, всегда округляя «половинки» до целого франка, и делал это с притворно недовольным видом, словно она требовала денег, а он вынужден был подчиняться.

Луизе казалось, что доктора она знала всегда, потому что росла у него на глазах, вот и усмотрела в просьбе нечто кровосмесительное. Кроме всего прочего, она недавно потеряла мать, и приличный человек не смел предлагать подобное сироте. Вообще-то, мадам Бельмонт ушла в лучший мир семь месяцев назад, и Луиза уже полгода не носила траур. М-да, аргумент жидковат...

Луиза не понимала, что такого должен был навоображать себе этот старик, чтобы захотеть увидеть ее обнаженной. Она разделась и встала перед высоким, от пола почти до потолка, зеркалом. Тридцать лет, плоский живот, сексуальный треугольник внизу живота. Луиза повернулась боком. Ей никогда не нравилась собственная грудь – слишком маленькая! – а вот попа была хороша. От матери она унаследовала личико эльфа, высокие скулы, ясные голубые глаза и красивый большой рот. Даже ребенком Луиза редко улыбалась и была немногословна, но первым, на что люди обращали внимание, были ее губы. В квартале серьезность характера приписывали пережитым ею испытаниям: в 1916-м она потеряла отца, через год – дядю и осталась с погрузившейся в депрессию матерью, которая большую часть времени недвижно сидела у окна, уставившись во двор. Первым человеком, одарившим Луизу добрым взглядом, стал ветеран Великой войны⁹, лишившийся половины лица из-за взрыва снаряда. Какое уж тут детство...

Луиза была красива, но никогда этого не признавала. «Вокруг полно девушек куда более хорошеньких!» – часто повторяла она себе. Молодая учительница отвергала любые «авансы» коллег, директора, отцов своих учеников и игнорировала любые попытки «тактильного контакта» в школьном коридоре на перемене. Ничего особенного ведь не происходило, мужчины – все, всегда и всюду – вели себя подобным образом. Воздыхателей у Луизы хватало. Один из них, Арман, ухаживал за ней пять лет, у них даже состоялась официальная помолвка (Луиза была не из тех, кому плевать на сплетни соседей!). Отпраздновали пышно: мадам Бельмонт охотно уступила матери Армана честь и удовольствие организовать «все как положено». Были прием, угощение, благословение, больше шестидесяти приглашенных и мсье Жюль в чуть тесноватом фраке (позже Луиза узнала, что он был взят напрокат в театральном магазине), брюках, которые почтенный ресторатор привычно поддегивал (как делал всякий раз, выходя из кухни), и лакированных штиблетах (его ступни напоминали ножки китайки!). Жюль вел себя по-хозяйски – под тем предлогом, что закрыл ресторан и предоставил зал для праздника. Торжество Луизу не интересовало, ей не терпелось лечь с Арманом в постель – она очень хотела ребенка, но так и не понесла...

История затянулась. Жители квартала недоумевали. На обрученных стали поглядывать с подозрением, даже неприязненно. С какой это стати пара валандается друг с другом три года, а в церковь не идет? Арман настаивал на венчании, Луиза ждала беременности. Большинство девушек молят доброго Господа, чтобы уберечь их до брака, Луиза ставила железное условие: нет ребенка – не будет и свадьбы. А его все не было...

Она сделала последнюю отчаянную попытку. Раз не получается завести своих, возьмем сироту из приюта, в несчастных малютках недостатка нет. Арман воспринял слова Луизы как оскорбление своей мужественности. «Давай уж тогда подберем помойного пса, ему тоже тре-

⁹ Первая мировая война (1914–1918).

буется забота!» – сказал он, и разразился скандал. Ругались Арман с Луизой как супруги со стажем, но на сей раз он в ярости хлопнул дверью, ушел и не вернулся.

Луиза вздохнула с облегчением – она считала «виноватым» жениха. О, как же наслаждались кумушки, строя предположения и пережевывая косточки! «Ну не нравится он малышке! – кипятился мсье Жюль. – Хотите выдать ее замуж против воли?» Окоротив злопыхателей, он попытался вразумить Луизу: «Сколько тебе лет, дорогая? Твой Арман хороший человек, это ли не главное?» Помолчав, он добавлял: «Ребенок, ребенок, будет тебе ребенок, дай время!» – возвращался на кухню, боясь загубить бешамель...

О расставании с Арманом Луиза не жалела, горевала только о нерожденном малыше, неутоленное желание превратилось в навязчивую идею. Ей во что бы то ни стало хотелось иметь ребенка – любого, пусть бы даже он сделал ее несчастной, причиняя одни неприятности. Луиза не могла смотреть на грудничков в колясках, проклинала себя, ругала, просыпалась среди ночи, уверенная, что рядом кричит младенец, вскакивала, ударялась об углы, выбегала в коридор, открывала дверь и... слышала голос: «Это был сон, дорогая...» Мать обнимала ее и провожала до постели, как маленькую девочку.

Дом уподобился кладбищу. Сначала она закрыла на ключ комнату, где собиралась устроить детскую. Потом стала ночевать там тайком от матери (та, конечно, все видела) – спала на полу, под тонким одеялом.

Мадам Бельмонт, обеспокоенная горячкой дочери, то и дело прижимала ее к груди, гладила по волосам и говорила, что преуспеть в жизни можно и без детей, она точно знает.

«Это ужасно несправедливо, – соглашалась Жанна Бельмонт, – но... возможно, природе угодно, чтобы ты сначала нашла для малыша папу...»

Добрая женщина повторяла пустые слова о Матери Природе, которые ей внушили в школе...

– Знаю, знаю, тебя раздражают мои слова, но... попробуй сделать все в правильном порядке. Вот встретишь хорошего мужчину, а потом...

– У меня был мужчина!

– Был, да не тот!

И Луиза начала заводить тайных любовников. Спала с мужчинами из разных кварталов, подальше от своего дома и школы. Поймав на себе взгляд молодого человека – в автобусе или другом общественном месте, она отвечала максимально сдержанно (но все-таки отвечала!), чтобы не оскорблять общественную мораль, а два дня спустя лежала, глядя на трещины в потолке, вскрикивала в положенные моменты и уже на следующий день принималась ждать месячных. Ждала, думая о ребенке, и внушала себе: «Пусть делает со мной что хочет...» – как будто обещание крестной муки могло облегчить малышу приход в этот мир. Луиза понимала, что больна, и не могла не тревожиться.

Она снова начала ходить в церковь. Ставила свечи, каялась в мифических грехах, чтобы заслужить искупление, и видела во сне, как дает грудь ребенку. Если кто-то из любовников брал в рот ее сосок, девушка заливалась слезами. *Убила бы всех этих мерзавцев!*

Луиза подобрала бездомного котенка и порадовалась его замурзанности, мыла его, расчесывала, проветривала, окончательно избаловала и до невозможности раскормила, он стал переборчив и эгоистичен. Именно это ей и требовалось, так она искупала мнимую вину в бесплодии. Жанна Бельмонт называла кота ходячим бедствием, но не возражала против его присутствия в доме.

Устав от бессмысленной гонки за недостижимым, Луиза сходила к доктору и услышала безжалостный приговор: беременность невозможна из-за проблем с фаллопиевыми трубами вследствие хронического сальпингита¹⁰. В тот же вечер произошел несчастный случай с котом

¹⁰ *Сальпингит* – инфекционное воспаление фаллопиевых (маточных) труб. Хронический сальпингит вызывает бесплодие

– он попал под машину перед входом в «Маленькую Богему». Мсье Жюль счел это удачным избавлением от доуки...

Луиза забыла о мужчинах, стала невозможно раздражительной и начала ненавидеть себя. По ночам она билась головой о стену, а утром в зеркале видела, как нервно дергается лицо, все больше приобретая черты женщины, которую Всевышний за что-то лишил радости материнства. Ее коллега Эдмонда и хозяйка табачной лавки мадам Круазе тоже были бездетны, но обоих это ничуть не заботило, а Луиза чувствовала себя униженной.

Вспыльчивость молодой женщины отпугивала ухажеров. Даже клиенты ресторана, прежде позволявшие себе небольшие вольности, перестали заигрывать с ней. Она была холодной и отстраненной. В школе ее называли Джокондой – конечно, не в глаза, как можно! – и в этом прозвище было мало дружеского чувства. Луиза сделала очень короткую стрижку, чтобы наказать предавшее ее женское естество. Эффект получился неожиданный – она стала еще красивее и иногда пугалась себя: не хотела возненавидеть детей и кончить, как сумасшедшая мадам Гено, вызывавшая к доске самых строптивых мальчишек и заставлявшая их снимать штаны перед всем классом. На переменах она ставила непослушных девочек в угол и держала там так долго, чтобы они описались.

Луиза часто стояла обнаженной перед зеркалом и думала, думала, думала... Она вдруг осознала, что, каким бы аморальным ни было предложение доктора, оно ей польстило: ей не хватало мужского внимания.

Следующая суббота принесла облегчение. Он, видимо, тоже осознал нелепость ситуации и не повторил просьбы. Приветливо улыбнулся, поблагодарил и, как делал всегда, погрузился в чтение. Луиза никогда особо не приглядывалась к этому человеку, а тут решила: почему бы и нет? Ее первая реакция объяснялась просто – в докторе не было ничего подозрительного и двусмысленного. Длинное усталое лицо с резкими чертами. На вид – лет семьдесят, впрочем, она была несильна в определении возраста и часто ошибалась. Много времени спустя она вспомнит, что находила в нем нечто этрусское. Слово было не из ее лексикона и казалось удивительным. На самом деле она хотела назвать его римским – из-за крупного носа с горбинкой.

Мсье Жюль всерьез взбудоражила новость о том, что за коммунистическую пропаганду вот-вот начнут карать смертной казнью. Он предлагал пойти еще дальше. («Я бы и их адвокатов послал на гильотину... А почему нет?») Луиза убирала соседний столик, когда доктор встал и обратился к ней, понизив голос:

– Я, конечно же, заплачу, сколько скажете... Хочу еще раз подчеркнуть, что буду только смотреть, так что ничего не опасайтесь.

Он застегнул верхнюю пуговицу пальто, надел шляпу, улыбнулся и спокойно вышел, махнув на прощание рукой мсье Жюлю, обличавшему Мориса Тореза¹¹. («Наверняка в Москву сбежал, скотина! Расстрельный взвод, говорю вам, расстрельный взвод!») Застигнутая врасплох, Луиза едва не уронила поднос. Мсье Жюль отвлекся от политики и спросил, бросив на нее удивленный взгляд:

– Тебе нехорошо, девочка?

Всю следующую неделю она копила злобу, решив высказать престарелому психу все, что накопилось, едва дождалась субботы, но появившийся доктор неожиданно показался ей жалким и слабым... Луиза подавала еду, меняла приборы и ломала голову, почему вдруг остыл ее гнев. Наверняка все дело в обыденном спокойствии доктора. Она растерялась, а он и не думал: улыбнулся, заказал дежурное блюдо, прочел газету, доел, а уходя спросил:

у женщин. Чем раньше обнаружено и вылечено заболевание, тем благоприятнее его прогноз.

¹¹ *Торез, Морис* (1900–1964) – французский государственный и политический деятель, руководитель французского и международного рабочего и коммунистического движения, генеральный секретарь Французской коммунистической партии (1930–1964).

– Итак, вы решили, сколько хотите?

Луиза покраснела – что она творит? Шепчется со старым доктором, на глазах у хозяина! – и почти грубо процедила сквозь зубы:

– Десять тысяч франков!

Он кивнул – «Понимаю...» – застегнул пальто, надел шляпу.

– Договорились...

Когда он вышел на улицу, мсье Жюль поинтересовался:

– У тебя с ним проблемы?

– Вовсе нет, с чего вы взяли? – удивилась Луиза.

Ресторатор небрежно махнул рукой – да ни с чего, интересуюсь на всякий случай.

Луизу напугала сумма. Она принимала заказы, подавала еду, убирала грязные тарелки, пыталась мысленно составить список того, что сможет себе позволить на десять тысяч франков, и понимала, что согласится. Примет предложение. Разденется за деньги. Как шлюха. Осознав этот факт, Луиза почувствовала облегчение, потому что именно так к себе и относилась. Пытаясь приободриться, она говорила себе: «Уж наверное, это не страшнее, чем раздеться на приеме у врача...» Одна из ее коллег позировала в Академии живописи и рассказывала, что это скучное занятие и главное – не простудиться.

Десять тысяч франков... Нет, невозможно! Никто не выкладывает такую прорву денег за раздевание. Он захочет чего-то другого. За подобную сумму он мог бы поиметь... Тут воображение буксовало, Луиза не могла представить, что конкретно способен потребовать мужчина за десять тысяч.

Доктор, видимо, рассуждал примерно так же, иначе почему хранил молчание? Прошла неделя. Другая. Третья. Луиза спрашивала себя: «Ты не пожадничала, девочка? Он ведь может найти кого-нибудь поговорчивей...» Это было так обидно, что она ставила тарелки на стол чуть резче, чем допускали правила приличного заведения, издавая короткий горловой звук, когда он к ней обращался, короче – была худшим образцом официантки.

В конце рабочего дня Луиза протирала губкой столик и вдруг боковым зрением заметила доктора. Он курил, стоя на углу и терпеливо ждал. Луиза тянула, сколько могла, но все имеет конец: она надела пальто и вышла, надеясь, что доктор отправился домой. Увы, надежда оказалась тщетной...

Луиза подошла совсем близко, и старик улыбнулся. «Мне казалось, что он выше ростом...» – мелькнула в голове дурацкая мысль.

– Выбирайте место, Луиза. Пойдем к вам? Или ко мне?

«К нему? Ни за что, слишком опасно! Ко мне? Исключено, соседи могут увидеть...»

Никаких соседей у Луизы не было, но сама мысль показалась ей дикой.

Доктор предложил отправиться в отель.

«Отель – это все равно что дом свиданий, мне подходит...»

Он предвидел такое решение и протянул ей страничку из блокнота.

– Условимся на пятницу? На шесть вечера? Я сниму номер на фамилию Тирьон.

Он сунул руки в карманы.

– Спасибо, что согласились...

Луиза убрала листок в сумку и вернулась домой.

Рабочая неделя обернулась крестной мукой.

Идти? Не идти? Она меняла решение десять раз на дню и двадцать раз за ночь. Что, если все повернется плохо? Отель «Арагон» находился в Четырнадцатом округе, и в четверг Луиза отправилась на разведку. Она была перед входом, когда завывли сирены. Воздушная тревога.

Луиза поискала взглядом, где бы укрыться, и вдруг услышала голос:

– Идемте...

Раздосадованные клиенты гуськом покидали здание. Старая женщина взяла Луизу за руку: «Сюда, в эту дверь...» Лестница вела в подвал. Люди деловито зажигали свечи, никто не удивлялся, что у Луизы нет с собой сумки с противогазом, – половина жильцов полупансиона не считали уродливые маски серьезной защитой. Судя по всему, люди были хорошо знакомы друг с другом, на нее сначала поглядывали, потом толстопузый мужчина достал колоду карт, молодая пара разложила шахматную доску, и только хозяйка, женщина с птичьей головой, жгуче-черными волосами, напоминающими парик, и недобрыми серыми глазами, все смотрела и смотрела на «новенькую». Она сидела, кутаясь в тонкую мантилью, поставив острые локти на неправдоподобно худые колени. Вскоре прозвучал сигнал отбоя, и все направились к лестнице. «Сначала дамы!» – провозгласил Картежник, и Луиза подумала, что эта реплика звучит заученно, но, видимо, добавляет ему мужественности. Она поблагодарила хозяйку, и та долго смотрела ей вслед.

На следующий день время помчалось вскачь. Луиза решила, что не пойдет на встречу, но, вернувшись из школы, переоделась, в половине восьмого открыла дверь, едва дыша от страха, открыла ящик кухонного шкафчика, достала мясной нож и сунула его в сумку.

В холле отеля девушку узнала хозяйка – и не сочла нужным скрыть удивление.

– Тирьон... – бросила Луиза, и старуха протянула ей ключ.

– Триста одиннадцатый. На четвертом.

Луизу затошнило.

Она никогда не была ни в одном отеле – никто из Бельмонтов не посещал «места для богатых», тех, кто ездил в отпуск и прогуливался на свежем воздухе. «Отель» – экзотическое слово, синоним дворца, а если произнести особым тоном, то борделя. Это не для Бельмонтов! Но Луиза пришла сюда, услышала тишину, увидела в коридоре потертую, но чистую ковровую дорожку и остановилась у двери перевести дыхание и набраться смелости, чтобы постучать. В этот момент где-то раздался шум, она испугалась, повернула ручку и вошла.

Доктор сидел на кровати, не сняв пальто, как в зале ожидания. Он выглядел совершенно спокойным и показался Луизе таким старым, что она подумала: «Нож могла бы и не брать...»

– Добрый вечер, Луиза.

Голос прозвучал так мягко, почти нежно, что у нее перехватило дыхание.

Мебели в номере оказалось немного – кровать, маленький столик, стул и комод, на котором лежал пухлый конверт. Доктор снова приветливо улыбнулся и слегка наклонил голову, чтобы успокоить гостью. Луиза больше не боялась.

По дороге в отель она приняла некоторые решения: «Сразу скажу, что сделаю только то, о чем договаривались, и добавлю – если вздумаете дотронуться, я немедленно уйду! Потом пересчитаю деньги, не хватало только, чтобы меня надули, как последнюю дуру...»

Теперь, стоя рядом со стариком в узкой комнатухе, Луиза понимала всю бессмысленность составленного плана: все будет тихо и просто.

Она переминалась с ноги на ногу, но ничего не происходило, и девушка, надеясь взбодриться, бросила взгляд на конверт, потом отступила на шаг, повесила пальто на плечики, сняла обувь и – после секундного колебания – платье, вскинув руки над головой.

Лучше бы он помог ей, сказал хоть что-нибудь! Номер заполняла непроницаемая жужжащая тишина. У Луизы закружилась голова. «Интересно, он воспользуется мной, если я упаду в обморок?»

Она стояла, он сидел, и эта позиция не давала ему ни малейшего преимущества. Его силой была инертность.

Он смотрел и ждал.

Луиза осталась в белье, но холодно стало доктору, он даже сунул руки в карманы.

Пытаясь успокоиться, она искала в облике мужчины знакомые черты посетителя «Маленькой Богемы» – и не находила их.

Прошли две долгие минуты замешательства, и Луиза решила – расстегнула бюстгалтер и сняла его.

Доктор посмотрел на женскую грудь – она притягивала взгляд, как луч солнца, – но его лицо осталось бесстрастным. Впрочем, некоторое волнение Луиза различила. Она опустила глаза на свои розовые соски и вдруг почувствовала царапающую душу боль.

Пора заканчивать представление. Она решила, сняла трусики и уронила их на пол, старик приласкал ее взглядом и застыл в неподвижности. Его лицо выражало нечто, недоступное пониманию.

Луиза вдруг ужасно испугалась сама не зная чего, решила разорвать тяжелую завесу печали и резко обернулась.

Доктор достал из кармана пистолет и выстрелил себе в голову.

Луизу обнаружили в номере голой. Она сидела на корточках, дрожа крупной дрожью, старик лежал на кровати, на боку, и словно бы спал. Ноги не доставали до пола несколько сантиметров. Несчастный, видимо, так удивился, встретившись взглядом с Луизой, что у него дернулась рука и выстрелом снесло половину лица. На покрывале растекалось кровавое пятно.

Вызвали полицию. Жилец из соседнего номера кинулся к Луизе, но замер, не зная, как поднять женщину на ноги: за подмышки? за талию?

В комнате сильно пахло порохом, и он, стараясь не смотреть на кровать, присел рядом с несчастной на корточки, положил руку ей на плечо, холодное, как у мраморной статуи, и держал, не отпуская, боясь, что она рухнет замертво.

– Ну же, милая, соберитесь, – тихим голосом уговаривал он, – все будет хорошо...

Она смотрела на старика.

Доктор еще дышал, веки опускались и поднимались, глаза смотрели в потолок.

Луиза вдруг обезумела, издала жуткий вопль, начала отбиваться, как средневековая ведьма, которую засунули в мешок вместе со взбесившимся котом, выскочила из номера и помчалась вниз по лестнице.

На первом этаже толпились постояльцы и соседи, сбежавшиеся на выстрел. Она в буквальном смысле слова расшвыряла людей, со сдавленным криком вылетела на улицу и через несколько секунд оказалась на бульваре Монпарнас.

Прохожие видели не голую девушку, а окровавленный призрак с безумными глазами, какая-то женщина ойкнула, испугавшись, что несчастная кинется под колеса и погибнет. Водители тормозили, кто-то свистел, гудели клаксоны – она ничего не слышала, не видела лиц, махала руками, как будто отбивалась от назойливых насекомых. Никто не знал, что делать, но взволновался весь бульвар. «Кто она?» – «Наверное, сумасшедшая, сбежала из лечебницы, надо бы ее задержать...» Луиза летела к перекрестку. Резко похолодало, она замерзла и поси-
нела.

2

Фильтры¹², составленные в ряды по двадцать, напоминали бочки из оцинкованного железа. Габриэля не успокаивало их сходство с молочными бидонами, он видел в них окаменевших в тревоге часовых, а никак не защиту от боевых отравляющих веществ. Линия Мажино, эти сотни фортов и блокгаузов, призванных отразить грядущее вторжение немцев, вблизи выглядела чудовищно уязвимой. Даже Майенберг, один из главных узлов защитной линии, имел «старческие» слабости: все военное население могло погибнуть внутри от удушья.

– Надо же, это вы, шеф? – Часовой насмешливо ухмыльнулся.

Габриэль вытер ладони о штаны. У тридцатилетнего старшего сержанта были темные волосы и круглые глаза, придававшие ему вечно удивленный вид.

– Шел мимо...

– Конечно, конечно... – Солдат кивнул и отправился на обход. В каждое его ночное дежурство он видел «шедшего мимо» старшего сержанта.

Фильтры как магнит притягивали к себе Габриэля. Старший капрал Ландрад объяснил ему, как проста, даже элементарна система, позволяющая определить наличие в воздухе угарного газа и арсина¹³: «На самом-то деле все будет зависеть от нюха часовых, главное, чтобы на них не напал насморк!»

Ландрад служил в инженерных частях и был по профессии электротехником. Он разносил плохие новости и «ядовитые» слухи с уверенностью истинного фаталиста и, зная, как сильно Габриэль боится химической атаки, не упускал случая сообщить ему все, что узнавал сам. Скорее всего, это доставляло ему некоторое извращенное удовольствие. Накануне он заявил следующее: «Фильтры должны перезаряжаться по мере использования, но вот что я тебе скажу: никто не сумеет сделать это достаточно быстро, чтобы защитить весь форт. Готов спорить на что угодно!»

Ландрад был странным типом, внешность имел необычную – рыжеватая, туго закрученная прядь волос, похожая на запятую, делила его лоб точно пополам, носогубные складки залегали очень глубоко, тонкие губы напоминали лезвие бритвы – и, по правде говоря, он слегка пугал Габриэля. Они четыре месяца жили в одной казарме, и капрал с самого начала был неприятен ему в той же степени, что и Майенберг. Гигантский подземный форт вызывал в воображении Габриэля образ страшного чудовища с разинутой пастью, готового пожрать всех, кого пошлет ему в качестве жертв Генеральный штаб.

Девятьсот солдат, жившие в форте, без конца мотались по галереям, спрятанным под тысячами кубометров бетона. День и ночь гудели блоки питания, резонировали железные пластины, издавая звуки, напоминавшие стоны проклятых, вонь от дизельного топлива смешивалась с запахом сырости, затрудняя дыхание. В Майенберге свет дня истаявал уже через несколько метров, и глазам смотрящего открывался сумрачный коридор, по которому с жутким грохотом курсировал поезд, подвозивший к огненным точкам 145-миллиметровые снаряды, которые должны пролететь двадцать пять километров, когда наконец покажется вечный враг Франции. В ожидании этого момента ящики со снарядами передвигали, открывали, пересчитывали, проверяли, закрывали и снова передвигали, не зная, что еще с ними делать. Поезд под названием «метро» транспортировал норвежские котлы, в которых разогревался суп. Все помнили приказ, предписывавший войскам «обороняться на месте, даже в окружении и пол-

¹² *Фильтры* – система вентиляции и принудительной очистки воздуха; срабатывала в случае применения отравляющих газов. Существовали фильтры для очистки воды.

¹³ *Арсин*, мышьяковистый углерод, – химическое соединение мышьяка и водорода. При нормальных условиях очень токсичный бесцветный газ.

ной изоляции, без надежды на помощь и подкрепление, пока не закончатся боеприпасы», но с некоторых пор никто не мог вообразить обстоятельства, при которых солдатам придется его выполнять. В ожидании гибели за отечество личный состав форта скучал.

Габриэль не боялся войны – никто здесь ее не страшился, поскольку линия Мажино считалась неприступной, – но с трудом выносил атмосферу форта, чья обстановка больше всего напоминала подлодку: те же духота и теснота, стояние на посту, складные столики в коридорах и скудный запас питьевой воды...

Габриэлю не хватало света: по инструкции он, как и все остальные, имел право выходить на воздух на три часа. На поверхности люди заливали бетон, разматывали километры колючей проволоки, призванной задержать вражеские танки. Печальной участи «огораживания» избегали зоны проживания крестьян и их сады с огородами: возможно, французы надеялись, что их уважение к труду земледельцев и подношения в виде фруктов и овощей заставят противника огибать эти зоны. В землю вертикально вкапывались железнодорожные шпалы: если единственный экскаватор был занят на другом участке, а погрузочная машина в очередной раз выходила из строя, в ход шли саперные лопатки, годившиеся только для песка. Производительность труда была соответствующая...

В свободное время (если таковое оставалось) военные убирали курятник с крольчатником, а небольшая свиноферма даже удостоилась упоминания на страницах местной газеты.

Хуже всего Габриэль переносил возвращение под землю: «внутренности» форта наводили на него дрожь.

Мысль о газовой атаке неотступно преследовала его. Иприт пробирается под маску и одежду, горчичный газ разъедает глаза, кожу, сжигает носоглотку, трахею, проникает в легкие. Габриэль поделился страхами с военврачом: усталым, бледным, как смерть, и мрачным, как гробовщик, но майор находил совершенно нормальным, что в этом мире, где «все было не так», никто не чувствует себя хорошо. Он оделял пациента аспирином и приглашал заходить еще: «Я люблю компанию...» Два-три раза в неделю Габриэль выигрывал у доктора в шахматы, но тот не огорчался – ему нравилось проигрывать. Старший сержант пристрастился к игре прошлым летом: он не чувствовал физического недомогания, но условия существования нагоняли на него тоску, и он искал в санчасти поддержку и утешение. Влажность в это время года достигала ста процентов, и у Габриэля регулярно случались приступы удушья. В форте было невыносимо жарко, люди обильно потели, спали на влажных простынях, одежду и белье почти не стирали – вещи сохли тысячу лет, в личных шкафчиках пахло плесенью. Вентиляция работала, но положения не спасала, каждое утро, в четыре часа, с завыванием включался аэродинамический насос, устраивая в казарме преждевременную побудку. Габриэль всегда спал очень чутко, и форт превратился для него в ад.

Обитатели казематов томились от скуки, выполняли тяжелую и неприятную работу, не слишком внимательно следили за дверями, которые должны были задержать взрывную волну во время вражеской бомбежки, и, поскольку дисциплина сильно хромала, между двумя дежурствами в офицерскую столовую набивалось много «разночинного» народа (офицеры закрывали глаза на нарушение субординации). Часто англичане и шотландцы из частей, расквартированных на расстоянии многих десятков километров от Майенберга, заявлялись среди ночи, чтобы как следует гульнуть, напивались вусмерть, и «по домам» их развозили на машинах «скорой помощи».

Форт стал вотчиной главного капрала Рауля Ландрада. Габриэль так и не узнал, каким он был на гражданке, но здесь очень быстро превратился в главного спекулянта, организатора и посредника во всех махинациях. Такой вот характер был у человека, рассматривавшего жизнь как живорыбный садок, неистощимый источник всех афер.

Начинал он карьеру как игрок в *бонто*¹⁴. Но если ему попадался ящик, три стаканчика, орешек, сухой боб или камешек – годилось все, – он тут же затевал игру «в три скорлупки»¹⁵. Ландрад мог втянуть в нее кого угодно, внушив человеку непреодолимое желание указать на карту или выбрать «выигрышный» стаканчик. Скука и безделье вовлекали в организуемые им забавы все больше азартных любителей. Его знали даже в частях, расквартированных вне стен форта, хотя там недолюбливали солдат из Майенберга, считая их «белой костью». Ловкость рук главного капрала завораживала всех, снизу доверху, а в бонто и скорлупки он играл на такие смешные суммы – монета-другая, – что проигравшие улыбались и продолжали делать ставки, а Ландрад зашибал за день до трехсот франков. Все оставшееся время он *делал дела* с управляющими ближайших ресторанов и кафе и с некоторыми унтер-офицерами интендантства и официантами из офицерской столовой. А еще ухлестывал за девушками. Кое-кто считал, что у капрала подруга в городе, другие уверяли, что он не вылезает из борделя. Как бы там ни было, Рауль всегда возвращался с широкой улыбкой на устах, и никто не знал, с чего он так веселится.

Ландрад часто продавал свои дежурства нуждавшимся товарищам, и командиры закрывали на это глаза. Высвободившееся таким образом время он посвящал снабженческим комбинациям. Созданная им сложная система скидок и уступок при поставке бочек, коммиссионных и чаевых при покупке-продаже – а Майенберг потреблял четыреста пятьдесят литров пива в день! – помогла этому хвату скопить состояние. Капрала интересовали и другие сектора. Он аккуратно инвестировал в кухонное дело, гордясь, что может достать почти все. Офицеров Рауль обеспечивал деликатесами, солдат, которые дважды в день ели говядину, кое-какими продуктами, разнообразившими рацион. Армия погружалась в болото рутины, личный состав в сонную скуку, а капрал обеспечивал их гамаками, посудой, матрасами, одеялами, прессой, фотоаппаратами. «Рауль Ландрад достанет все!» – таким был его девиз. Зимой прошлого года он «поставил» в промышленных масштабах батареи резервной отопительной системы и ножовки (все продукты были морожеными, и вино приходилось резать ломтями), после чего предложил закупить осушители воздуха. Проку от них не было никакого, но расходились они как горячие пирожки. Кондитерские изделия – шоколад, марципаны, кислые леденцы, сласти всех видов – тоже шли на ура, особенно у унтер-офицеров. К завтраку личному составу полагалось сто граммов водки, а к обеду и ужину – бутылка вина¹⁶. Дешевое, в основном красное, вино и водка поступали в форт в невообразимых количествах, запас на складах обновлялся с фантастической скоростью. Ландрад присваивал немало товаров, которые толкал хозяевам ближайших кафе и ресторанов, местным фермерам и иностранным журналистам. Продлился война еще год, старший капрал смог бы выкупить весь Майенберг.

Габриэль отправился проверить смену караула. В прежней жизни он преподавал математику, был приписан к войскам связи, принимал и распределял входящие звонки телефонограммы. Война в форте сводилась к выдаче заданий на внешние работы и выписыванию увольнительных, что делалось непозволительно часто.

Габриэль выяснил, что бывают дни, когда в форте отсутствует больше половины офицеров. Если бы немцы выбрали подобный момент для наступления, они взяли бы Майенберг за два дня, а Париж – через три недели...

Габриэль вернулся в казарму. Он спал на верхней койке, напротив старшего капрала Ландрада. Внизу «жил» Амбресак, тип с мохнатыми, вечно насупленными бровями, большими

¹⁴ *Бонто* – карточная игра: нужно угадать, где находится одна из трех перевернутых карт, что-то вроде «трех листиков».

¹⁵ «Игра в три стаканчика», или «Наперстки», – игрок должен угадать в каком из стаканов или наперстков спрятан шар. Изначально она называлась «игра в три скорлупки», поскольку горошину перекатывали и прятали, используя скорлупки грецкого ореха.

¹⁶ Четверть литра.

руками землепашца и на редкость сварливым характером. Следующим был Шабрие, худой живчик с узким, как у ласки, личиком. Когда с ним заговаривали, он смотрел на собеседника так, словно ждал реакции на еще не отпущенную шутку. Почти все чувствовали себя неловко, ежились, топтались на месте и в конце концов издавали сдавленный смешок. Такой манерой поведения Шабрие добился репутации записного шутника... ни разу ничем ее не подтвердив. Амбресак и Шабрие были «адъютантами» Рауля Ландрада, а казарма – его Генштабом. Габриэль никогда не хотел участвовать в темных делишках сослуживцев, поэтому стоило ему войти – и разговоры смолкали. Неловкость ощущали все. Тлетворная атмосфера была и причиной, и следствием множества мелких происшествий, из которых ткалась жизнь в казематах. Несколько недель назад один солдат из их части пожаловался на пропажу печатки со своими инициалами – он подозревал кражу. Беднягу обсмеяли – его звали Поль Делестр, и инициалы (П. Д.) выглядели двусмысленно. Люди существовали в тесноте и «в обиде», и каждый подумал: «Золотая печатка? Так тебе и надо, болван!»

Рауль сидел на койке и вел подсчеты.

– Ты вовремя, – обрадовался он. – Это данные объема подаваемого воздуха, я что-то никак не соображу...

Габриэль взял карандаш и быстро получил результат 0,13.

– Ну и дерьмо!.. – бросил ошарашенный Рауль.

– В чем дело?

– А вот в чем: я засомневался насчет электрогенераторов, которые должны будут обслуживать систему очистки воздуха, если начнется газовая атака, усек?

Габриэль был так очевидно встревожен, что Ландрад снизошел до объяснений.

– Придурки выбрали двухтактные двигатели. Им не хватит мощности, придется обеспечивать допитание. Получится...

Габриэля затошнило от страха, он сделал пересчет и получил тот же результат – 0,13. В случае газовой атаки очищенного воздуха едва хватит на очистку... электростанции. Весь остальной форт будет отравлен.

Рауль с сокрушенным видом сложил бумажку с цифрами и произнес:

– Ладно... делать нечего...

Габриэль был уверен, что никто и пальцем о палец не ударит, чтобы поменять оборудование: воевать придется с тем, что есть.

– Мы укроемся на заводе. – (Так коротко называли электростанцию.) – Но вы, связисты...

У Габриэля пересохло во рту. Он понимал, что его страх иррационален: войны, скорее всего, не избежать, но это не значит, что немцы сразу пустят в ход газ, – и все-таки боялся.

– Ты в случае чего сможешь присоединиться к нам...

Габриэль поднял голову.

– У нас код, – продолжил Рауль. – Стучать нужно в южную дверь завода. Не ошибешься с условным знаком – мы тебе откроем.

– И что за код?

Рауль на шаг отодвинулся от Габриэля:

– Баш на баш, старина...

– ?..

– Информация. Ты в курсе всех телодвижений интендантства, знаешь, что покидает склады и что туда возвращается, что закупает Майенберг «за стенами» и когда происходит доставка. Нам бы очень пригодились такие сведения, понимаешь? Чтобы подготовиться...

– Я не могу... это... конфиденциально. Секретно.

Габриэль пытался найти правильные слова.

– Я не предатель.

Прозвучало выпренно, и Рауль заржал:

– Поставка говяжьей тушенки – секрет Министерства обороны? Ничего не скажешь, в нашем Генштабе сидят умные головы...

Рауль сунул Габриэлю листок с расчетами:

– Держи... Окажешься у южных дверей завода, будет что почитать...

Ландрад вышел, оставив Габриэля в «разобранном» состоянии. Капрал всегда напоминал ему хищное, плотоядное растение с сильным, щекочущим нервы ароматом.

Габриэля не покидало ощущение тревоги.

Прошло три недели. Однажды утром в душе он подслушал разговор Амбресака и Шабрие об «испытаниях воздухопроводов боевых блоков огнеметами».

– Катастрофа! – уверял Амбресак.

– Да знаю я, знаю, – раздраженно отвечал Шабрие. – Похоже, сажа забила фильтры! Блок заполнен как минимум наполовину.

Габриэль не удержался от улыбки. Шельмецы были отвратительными артистами: они устроили представление, чтобы еще сильнее напугать его, но добились прямо противоположного результата.

К несчастью, вечером за партией в шахматы военврач подтвердил, что испытания действительно имели место. Габриэль почувствовал удушье, сердце забилося, как у загнанного зайца.

– Что за испытания?

Доктор отвечал медленно, оценивая позицию на доске, сделал ход слоном и буркнул:

– По правде говоря, легковесные и малодоказательные. Просто испытания. Но огнеметы были настоящие. Начальство будет клясться и божиться, что все прошло отлично и система функционирует «как положено». Но я не удивлюсь, если потом на всякий случай отслужат лишнюю мессу. Видит бог, помощь нам понадобится.

Габриэль двинул вперед даму и выдохнул:

– Мат...

Доктор сложил доску, вполне довольный результатом.

Габриэль вернулся к себе, снедаемый тревогой.

Шли дни, похожие один на другой. Старший капрал Ландрад «бороздил» коридоры, занятый как никогда, и периодически говорил себе на ходу: «Хорошенько подумай, дружок, будь осторожен».

Габриэль тщетно ждал приказа командира, а потом однажды в пять тридцать утра 27 апреля завывли сирены.

Что это – очередные учения или форт атакуют немцы?

Он в мгновение ока вскочил с койки.

В коридорах раздавался топот сотен ног – солдаты бежали к своим огневым точкам, офицеры отдавали команды. Рауль Ландрад, Амбресак и Шабрие выбежали из казармы, на ходу застегивая ремни. Габриэль следовал за ними, пытаясь привести в порядок китель. Мимо него мчались солдаты, проезжал по рельсам поезд, и он с силой вжимался в стену, оглушенный воем сирен, криками, грохотом загружаемых на платформу ящиков с боеприпасами. В голове билась одна-единственная мысль: «Немцы напали...»

Габриэль пытался догнать оторвавшихся от него товарищей. Дыхание сбивалось, ноги дрожали, он так и не справился с непослушными пуговицами. В пятнадцати метрах впереди старший капрал Ландрад повернул налево. Габриэль ускорил шаг, тоже повернул – и оказался лицом к лицу с вопящей толпой. За людьми плыло похожее на волну непрозрачное облако, оттуда выскакивали обезумевшие от страха люди.

Габриэль на мгновение в ужасе застыл, как окаменел.

Немецкий газ считался невидимым. Откуда-то с темных задворок сознания выплыла догадка: «Это белое облако – неизвестный газ, значит...» Додумать мысль до конца он не успел – подавился дымом, закашлялся, закружился на месте... Мимо летели неясные силуэты, все кричали. *Сюда! К выходу! Нет, в северный коридор!*

Густой дымный туман щипал глаза, Габриэля толкали, кто-то ударил его, дым сгустился в узком отсеке коридора, где едва помещались два человека. На развилке двух галерей, на сквозняке, Габриэль «прозрел», хотя слезы все еще мешали ясно различать лица и предметы.

Он спасен?

Габриэль обернулся: рядом, у стены, стоял старший капрал Ландрад и указывал пальцем на выдолбленную в породе нишу. Точно такие же встречались через каждые тридцать метров, в них пережидали проход поезда, некоторые использовались как хранилища оборудования и вооружений. Стальная дверь была приоткрыта, и Габриэль подумал, что оказался рядом с заводом. «Нет, невозможно, он с другой стороны, так какого черта?..» Ландрад махнул сержанту рукой, тот обернулся и с ужасом увидел вернувшееся белое облако дыма, стремительно распространявшееся по туннелю. Вырывавшиеся из него солдаты заливались слезами, кашляли, сгибаясь пополам, отчаянно кричали, ища выход.

– Сюда! – проорал Ландрад, указывая на дверь, Габриэль сделал два шага и оказался в темноте. Тесный склад инструментов освещала слабая потолочная лампа, он отвлекся, взгляделся получше – и услышал, как у него за спиной хлопнула тяжелая створка.

Рауль запер его.

Габриэль схватился за ручку, забарабанил по железу – и оцепенел. Снизу начал просачиваться дым, быстро заполняя помещение.

Он запаниковал, поднажал плечом, пустил в ход кулаки. Ему уже не хватало воздуха, жестокий приступ кашля сотряс все тело, заставив рухнуть на колени, легкие готовы были взорваться, глаза лезли из орбит, ладони стали липкими.

У него началось кровохарканье...

3

– Так вы говорите, ее фамилия Бельмонт? – спросил судья-следователь Лепуатвен.

Лежащая на больничной койке Луиза напоминала девочку-подростка.

– И она не проститутка...

Он безостановочно протирал стекла очков маленькой замшевой тряпочкой. Его коллеги, сотрудники, судебные исполнители и адвокаты читали его жесты как особый язык. Сейчас рука, «массировавшая» стекла, явственно выражала сомнение.

– Во всяком случае, незарегистрированная, – ответил полицейский.

– *Любительница*... – пробормотал судья, водружая на нос многострадальные очки.

Войдя в палату, он потребовал стул с прямой спинкой – служитель правосудия был очень требователен по части стульев. Он наклонился к спавшей женщине. Хороша, ничего не скажешь. Волосы коротковаты, но лицо прелестное. Лепуатвен был знатоком и ценителем молодых женщин – насмотрелся на них и в своем кабинете во Дворце правосудия, и в борделе на улице Сент-Виктуар. Санитарка убирала палату, не смущаясь присутствием постороннего человека. Раздраженный шумом, он резко обернулся, всем своим видом выражая возмущение, она в ответ смирившись не вежу презрительным взглядом и продолжила вытирать пыль. Судья издал нарочито усталый вздох – *ох уж эти мне доброхотки!* – протянул руку и тронул больную за плечо, провел подушечкой большого пальца по коже. Горячей нежной коже. А она и впрямь недурна, из-за такой можно и пулю в голову пустить... Лепуатвен медленно, отнюдь не по-отечески вновь погладил обнаженное плечо Луизы.

– Вы закончили?

Он отдернул руку, как воришка, пойманный «на кармане». Санитарка нависала над ним, держа тазик с грязной водой, как грудного младенца.

Да, закончил.

Лепуатвен захлопнул папку с делом.

В течение нескольких следующих дней врачи стойко сопротивлялись допросу по всем правилам сыскной науки, так что вторая встреча состоялась только через неделю.

На этот раз Луиза была в сознании, но соображала плохо, и все повторилось. Судья протирал очки и разглядывал Луизу, пока полицейский не принес стул с прямой спинкой. Она сидела в подушках, скрестив руки на груди, смотрела перед собой и выглядела совершенно измученной.

Наконец Лепуатвен открыл папку и, несмотря на раздражающее присутствие церберши в белом халате, углубился в «историю вопроса». Полицейский встал у стены напротив кровати пациентки.

– Вас зовут Сюзанна Адрианна Луиза Бельмонт. Вы родились...

Время от времени он поднимал на нее глаза, она же ни разу не моргнула, словно творившееся действие ее не касалось. Судья замолчал, помахал ладонью перед лицом Луизы и не добился никакой реакции.

– Вы уверены, что она понимает смысл моих слов? – спросил он, обернувшись к медичке.

– До сих пор бедняжка произнесла всего несколько слов, и довольно несвязно. Врач предположил помутнение сознания. Скорее всего, придется показать ее специалисту.

– Если она еще и безумна, мы совсем увязнем. – Лепуатвен вздохнул и снова углубился в чтение документов.

– Он умер?

Лепуатвен изумился. Луиза смотрела на него в упор, и он почти смутился.

– Доктор... Тирьон... э-э-э... прожил всего один день. – Он замялся, добавил: – Мадемуазель... – и тут же, разозлившись на себя за «уступку подобной девице», продолжил раздраженным тоном: – Для него так лучше, уверяю вас! Состояние, в котором находился несчастный...

Луиза обвела взглядом находившихся в палате людей и шепнула изумленным тоном:

– Он предложил деньги, чтобы увидеть меня без одежды.

– Проституция! – торжествующе воскликнул судья.

Дело можно закрывать! Он сделал запись убористым каллиграфическим почерком, вполне под стать его характеру, и продолжил зачитывать факты. Луизе пришлось объяснять, как она познакомилась с доктором Тирьоном.

– Я его не знала... по-настоящему...

Лепуатвен издал сухой неприятный смешок.

– Вот как? И часто вы раздеваетесь для первого встречного?! – Он щелкнул пальцами и переглянулся с полицейским. – Вы слышали? Невероятно!

Луиза начала рассказывать о ресторане, субботнем и воскресном обслуживании посетителей и привычках доктора.

– Мы допросили хозяина ресторана и все прояснили. – Судья снова обратился к папке с документами и пробормотал: – Нужно проверить, не обретаются ли в его заведении другие такие же... *любительницы*...

Лепуатвен решил перейти к тому, что интересовало его больше всего, и спросил:

– Итак, что вы сделали, войдя в номер?

Ответ на это вопрос показался Луизе простым, но она не находила слов. Что сделала? Разделась, больше ничего.

– Вы попросили у доктора обещанные деньги?

– Нет, конверт лежал на комодке...

– То есть вы их пересчитали! Никто не станет раздеваться перед мужчиной, не проверив сумму. Во всяком случае, мне так кажется...

Судья повертел головой, сделал вид, что сомневается и ищет подтверждения своей правоты у присутствующих, но покраснел от неловкости момента.

– Продолжайте! – Он повысил голос, нервничая все сильнее.

– Я разделась, что еще говорить?

– Перестаньте, мадемуазель! Мужчина не выложит пятнадцать тысяч франков единственно за то, чтобы полюбоваться голой девушкой!

Луизе казалось, что они с доктором условливались о десяти, а не о пятнадцати тысячах, впрочем, она не была уверена.

– Я повторю свой вопрос: что конкретно вы пообещали сделать за такую сумму?

Полицейский и медсестра не понимали, что пытается «установить» судья, но судорожное подрагивание пальцев, протирающих стекла очков, свидетельствовало о сильном раздражении, граничащем с... возбуждением. Выглядело это угнетающе.

– Я спрашиваю, потому что... такая сумма... Невольно усомнишься!

Он вел себя как припадошный и не отрываясь смотрел на Луизу, дрожавшую под тонким батистом ночной рубашки.

– Пятнадцать тысяч франков, подумать только!

Беседа зашла в тупик, судья полистал документы и вдруг улыбнулся, как хищник, схвативший добычу. Отпечатки пальцев, положение тела, следы – все свидетельствовало о том, что доктор Тирьон действительно застрелился сам, но одно обвинение Лепуатвен все-таки мог предъявить, чему очень обрадовался.

– Оскорбление нравственности!

Луиза ничего не понимала.

– Именно так, мадемуазель! Если вы считаете допустимым разгуливать нагишом по бульвару Монпарнас, это ваше дело, но приличные люди...

– Я не прогуливалась!

Луиза почти выкрикнула эту фразу, и ее затрясло, как в лихорадке. Судья откашлялся.

– Неужели? Тогда что же, скажите на милость, вы делали на бульваре без одежды? Вышли за покупками? Ха-ха-ха-ха!

Он снова взглядом призвал в свидетели полицейского и медсестру, те не откликнулись, но его это не смутило. Ликование превратило голос Лепуатвена в фальцет, казалось, он вот-вот запоет.

– Крайне редко в оскорблении нравственности обвиняют молодую женщину, вознамерившуюся выставить напоказ свои... – он так резко схватил очки, что едва не выронил их, – продемонстрировать всем свой... – побелевшие пальцы еще сильнее сжали дужки... – обнажив свою...

Злосчастная оправа не выдержала – сломалась.

Судья бросил удовлетворенный взгляд на две половинки, издав торжествующий звук, более уместный после удавшегося соития, убрал их и произнес мечтательным тоном:

– Ваша карьера в народном образовании закончена, мадемуазель. Вас осудят, после чего, естественно, уволят!

– Тирьон... Да, я помню... – вдруг произнесла Луиза.

Судья едва не выронил очечник и проблеял:

– Именно так, Жозеф Эжен Тирьон, Нёйи-сюр-Сен, бульвар Обержон, шестьдесят семь.

Луиза кивнула, обескураженный Лепуатвен закрыл папку, сожалея в душе, что не сумел довести несчастную до слез. Все сложилось бы иначе, проводи он допрос в своем кабинете, а теперь придется уйти ни с чем.

Любой человек на месте Луизы спросил бы, что будет дальше, она же не задала ни одного вопроса, и разочарованный крючоктвор удалился, не попрощавшись.

Луиза оставалась в больнице еще три дня и все это время почти ничего не ела.

Полицейский агент доставил решение судьи прямо в палату: самоубийство подтвердилось, мотив «проституции» отмечен.

Медсестра с сочувствием улыбнулась, сожалел и «вестник несчастья»: молодая женщина в любом случае потеряет работу, так что радоваться нечему.

Луиза шагнула к двери. В больницу ее привезли голой, и никто не знал, куда делась одежда, оставленная в номере отеля «Арагон», кроме разве что секретаря суда и инспектора полиции. Медсестра обошла коллег и собрала для нее «приданое»: слишком длинную шерстяную юбку, синюю блузку, ярко-фиолетовый жакет и пальто, отороченное искусственным мехом. Луиза все приняла с благодарностью, хотя выглядела в этих тряпках нелепо.

«Как вы добры!» – воскликнула она, словно сделав неожиданное открытие.

Агент и медсестра долго смотрели ей вслед, и на сердце у обоих было тяжело: бедняжка шла медленной и усталой походкой человека, вознамерившегося броситься в Сену.

Луиза не собиралась сводить счеты с жизнью. Она направилась в сторону тупика Перс, на мгновение задержалась на углу, увидев вывеску ресторана мсье Жюля, потом ускорила шаг и вернулась к себе.

Дом № 9 построили после войны 1870 года¹⁷. В лучшие времена он источал буржуазную роскошь и мог принадлежать рантье или отошедшему от дел коммерсанту. Родители Луизы

¹⁷ Франко-прусская война 1870–1871 гг. между империей Наполеона III и добивавшейся европейской гегемонии Пруссией. Война, спровоцированная канцлером Отто фон Бисмарком, но формально начатая Францией, закончилась ее поражением.

поселились здесь сразу после свадьбы, в 1908 году. Для маленькой семьи дом был великоват, но предприимчивый и чадолюбивый Адриен надеялся, что Бельмонтов в недалеком будущем станет много. Судьба рассудила иначе: он погиб в 1916-м, в Верденской мясорубке¹⁸, успев, к счастью, порадоваться рождению дочери.

Ее мать Жанна Бельмонт в девичестве подавала надежды: она окончила начальную школу старшей ступени и получила аттестат, что в те годы случалось нечасто. Родители и учителя прочили ей карьеру медсестры или секретаря мэрии, но она в семнадцать лет внезапно решила бросить учебу, предпочтя ведение хозяйства работе на заводе, и стала служанкой, умевшей не только читать, но и писать так же складно, как героиня Октава Мирбо¹⁹. Однако муж хотел, чтобы жена сидела дома, и Жанна подчинилась. Она лелеяла надежду сохранить для дочери единственное достояние семьи – дом в тупике Перс.

После войны Жанна погрузилась в депрессию, болезнь засасывала бедняжку, как зыбучие пески. Здоровье ее ухудшалось, дом в отсутствие заботы хирел. Жанна так и не поправилась, не взяла себя в руки, семейный врач говорил о критическом возрасте, анемии, неврастении, то и дело меняя диагнозы. Большую часть времени мадам Бельмонт проводила у окна. Да, она готовила – часто одно и то же – и интересовалась делами дочери до тех пор, пока та не стала учительницей. Жанна в прямом смысле слова угасала на глазах. Весной 1939 года состояние мадам Бельмонт резко ухудшилось. Она часто лежала в постели до возвращения дочери с работы. Луиза садилась рядом, даже не сняв пальто, брала мать за руку. «Что не так?» – «Я вдруг устала...» Девушка варила овощной суп, кормила мать – почти насильно, а одним несчастным июньским утром нашла ее мертвой. Жанне было всего пятьдесят пять лет. Проститься мать и дочь не успели.

Все в жизни Луизы медленно и незаметно покатилося вниз. Она осталась одна, молодость растаяла, как мороженое, мадам Бельмонт не стало, и даже дом превратился в собственную тень. Прежние жильцы съехали, других не нашлось. Луиза решила продать его за цену, которую предложат, и начать новую жизнь в другом месте, и тут занимавшийся делом о наследстве нотариус вручил ей сто тысяч франков. Деньги оставили давние жильцы, знавшие Луизу девочкой, очень ее любившие и хотевшие обеспечить малышке счастливое будущее. К первоначальной сумме добавились еще и двадцать четыре тысячи – проценты от удачных вложений мадам Бельмонт за двадцать лет. Луиза не разбогатела, но могла сохранить дом и даже обновить его.

Она пригласила подрядчика и подробно обсудила с ним расценки, а потом договорилась встретиться после работы, чтобы заключить договор, но в середине дня мальчишки-газетчики с улицы Дамремон закричали: «Война!» Объявили всеобщую мобилизацию, и ремонт пришлось отложить до лучших времен.

Вернувшись из больницы, Луиза долго стояла во дворе и смотрела на небольшое строение, которое ее отец использовал как склад, а мать сдавала за смешную цену (было бы глупо просить больше за жилье без удобств!). В том, что ей довелось пережить, было нечто грандиозное, ошеломляющее, вернувшее ее в те времена, когда помещение арендовали двое ее благодетелей. С тех пор здесь никто не жил, но каждые два-три года Луиза собиралась с силами и устраивала генеральную уборку – проветривала и выбрасывала барахло, от которого не избавилась в прошлый раз. В большой комнате с низким потолком, но широкими окнами из всей мебели остались только угольная печь-буржуйка, ширма с пастушками и овечками да нелепая оттоманка в стиле «почти Директории», вся в фестонах и позолоте, левосторонняя, с подло-

¹⁸ Битва при Вердене (с 21 февраля по 18 декабря 1916) – неудачная осада французской крепости Верден, предпринятая Германией. Одна из крупнейших и одна из самых кровопролитных военных операций в Первой мировой войне, вошедшая в историю как Верденская мясорубка.

¹⁹ *Мирбо, Октав* (1848–1917) – французский писатель, романист, драматург, публицист и художественный критик, член Гонкуровской академии. В 1900 г. был опубликован его роман «Дневник горничной».

котником в виде напыжившегося лебедя. Луиза по какой-то неведомой причине отдала перетянуть ее, после чего оставила «жить» на чердаке.

Она еще раз обвела взглядом пристройку, глинобитный двор, дом, и они показались ей олицетворением собственной жизни. К глазам подступили слезы, судорога перехватила горло, ноги стали ватными, она сделала несколько шагов и опустилась на ступеньку трухлявой лестницы, где можно было запросто подвернуть ногу. В памяти Луизы всплыла изуродованная голова доктора Тирьона, потом ее заслонили лица двух ветеранов, которые когда-то нашли здесь приют.

Эдуар Перикур всегда носил маску – осколком снаряда ему снесло нижнюю половину лица, – и десятилетняя Луиза заходила после школы, чтобы украшать маски «под настроение» жемчужинами и лентами и разрисовывать их красками. Она уже в то время была немногословна, трудилась с большим старанием, терпеливо вслушивалась в хрипловатое, со свистом дыхание Эдуара, смотрела в его добрые глаза. Ни у кого не было таких чуждых глаз, как у этого человека. Увечный двадцатипятилетний ветеран Великой войны и маленькая девочка, рано лишившаяся отца, незаметно для окружающих крепко подружились.

Когда Луиза стала свидетельницей самоубийства доктора, старая рана, причиненная разлукой с Эдуаром, снова открылась.

Эдуар Перикур и его товарищ Альбер Майяр затеяли аферу – они продавали несуществующие надгробия и заработали целое состояние. Их, конечно же, разоблачили, случился ужасный скандал, и им надо было бежать. Прощаясь, Луиза обвела указательным пальцем страшное лицо друга и спросила: «Ты вернешься проститься со мной?»

Эдуар кивнул: «Конечно...» – что означало «нет».

На следующий день Альбер – он был жуткий трус и вечно вытирал потные ладони о брюки – смылся с молоденькой служанкой и кучей денег.

А Эдуар остался – и покончил с собой, бросившись под колеса машины.

Продажа никогда не существовавших памятников была для него всего лишь отсрочкой, взятой взаймы у Смерти.

Только много позже, в тридцать лет, Луиза узнала, как сложна была жизнь ее взрослого друга, и тогда же поняла, что сама как будто застыла во времени.

Она заплакала еще горше.

В почтовом ящике обнаружилось письмо из школы – администрация интересовалась причиной ее отсутствия. Она, не вдаваясь в детали, ответила, что сможет приступить к занятиям через несколько дней, и вдруг почувствовала такую усталость, что легла и проспала шестнадцать часов подряд.

Пробудившись, Луиза первым делом выбросила испортившиеся продукты и отправилась за покупками, а чтобы не идти мимо «Маленькой Богемы», дождалась автобуса.

Она уже неделю не читала газет, не слушала радио и не знала никаких новостей, но понимала: раз парижане заняты привычными делами, значит на фронте мало что происходит. Ежедневная пресса была настроена скорее оптимистично. Немцы застряли в Норвегии, в губернии Нур-Трёнделаг, в районе города Левангер. Союзники отбросили их на сто двадцать километров. На Северном море боши «трижды потерпели поражение от французских торпедоносцев», так что беспокоиться не о чем. Мсье Жюль наверняка шумно восхищался блистательной стратегией генерала Гамелена и предсказывал неизбежное поражение врагов, «если они сунутся к нам».

Луиза понуждала себя интересоваться текущими событиями, чтобы глубоко травмированное воображение не напоминало ей, как страшен был «недоубившийся» доктор Тирьон.

Суд не захотел выяснить, почему он выбрал именно ее, а не пошел в бордель, Луиза же просыпалась среди ночи и, лежа в темноте, пыталась соединить лицо субботнего клиента с фамилией Тирьон. Ей ни разу не удалось это сделать. Судья сообщил, что доктор жил в Нёйи, и

девушка не понимала, зачем он каждую субботу таскался в Восемнадцатый округ, чтобы пообедать. Можно подумать, в Нёйи мало своих ресторанов... Мсье Жюль как-то сказал, что доктор «уже двадцать лет завсегдатай» его заведения, и это был не комплимент. Хозяину «Маленькой Богемы» казалось естественным тридцать лет стоять за плитой одного и того же ресторана, но за двадцать лет не сменить даже столик у окна – это уж слишком! На самом деле мсье Жюля бесила не «верность» клиента, а его замкнутость. «Будь все такими, я бы предпочел кормить траппистов!»²⁰ Доктор Тирьон никогда ему не нравился...

По прошествии нескольких дней Луиза провела бессонную ночь в кресле, размышляя над тем немногим, что знала о Тирьоне.

Наутро ей снова пришлось выйти из дома за продуктами. Первое весеннее солнце приласкало ее, погладив по щеке, она немножко взбодрилась и решила отправиться в соседний квартал, чтобы не встречаться с соседями и не вступать в разговор с торговцами.

Момент просветления продлился, увы, недолго: вернувшись, она вытащила из ящика письмо от судьи Лепуатвена: он предлагал мадемуазель Бельмонт явиться 9 мая в 14:00 к нему в кабинет по делу, имеющему к ней непосредственное отношение.

Луиза запаниковала, нашла и перечитала документ, выданный полицией при выписке из больницы. В нем было засвидетельствовано, что дело закрыто и к ней не имеется никаких претензий. Вызов к судье терял всякий смысл.

Страх возобладал над разумом, у Луизы подкосились ноги, жестокий спазм перехватил горло, и она рухнула в кресло.

²⁰ *Трапписты* – официально орден цистерцианцев строгого соблюдения – католический монашеский орден, ответвление цистерцианского ордена, основанный в 1664 г. в Ла-Траппе во Франции (откуда и название) как реформистское движение в ответ на послабление правил и высокий уровень коррупции в других цистерцианских монастырях.

4

Габриэля снова затошнило, он сложился пополам, но желудок был пуст. Задымление стало таким сильным, что в метре уже ничего не было видно. «Неужели я умру в этих стенах?» Из груди вырвался хрип, дым подобрался совсем близко, лизнул по лицу, он резко отшатнулся и вдруг заметил, что дверь приоткрыта.

В помещение проник сквозняк, и сквозь слезы Габриэль разглядел, что у самого пола воздух стал прозрачнее. Он рванулся вперед, поскользнулся на луже собственной блевотины и выбрался в коридор, по которому бежала толпа. Его отталкивали, осыпали грубой бранью, но никто и не подумал остановиться.

Обессиленный, потерявший ориентацию во времени и пространстве, Габриэль никак не мог сообразить, куда идти, потом опознал дверь санчасти, постучал и вошел, не дожидаясь ответа. На пяти койках лежали пострадавшие в толчее.

– Ну и вид у вас... – буркнул майор, который и сам напоминал скорее призрак, чем человека.

– Меня случайно заперли на складе... В туннеле...

Голос выдал его ужас, и врач нахмурился.

– Меня туда втокнули...

Доктор велел Габриэлю раздеться, осмотрел его, послушал стетоскопом.

– Что значит «втокнули»?

Пациент промолчал, и врач понял: продолжения исповеди не будет.

– Вы астматик!

Диагноз он произнес торжествующим тоном, подтекст был совершенно ясен: подтверди Габриэль вывод медика, тот сразу внес бы его в список подлежащих комиссованию по состоянию здоровья.

– Нет.

Майор раздосадованно покачал головой и сосредоточился на своем стетоскопе:

– Все в порядке... все будет хорошо... теперь.

Габриэль надел вонючую рубашку и начал застегивать пуговицы дрожащими пальцами.

Выдержав паузу, медик кивнул, соглашаясь с решением пациента.

Угроза увольнения с военной службы миновала. Почему он принял такое решение, не будучи ни идейным борцом, ни – тем более – героем? Что за могущественный посыл заставил его отвергнуть «подарок судьбы», в который любой солдат вцепился бы, как голодный лев в антилопу? Он читал газеты, никогда не верил Гитлеру, Мюнхенские соглашения казались ему безумием, а дувший из Италии ветер наводил ужас. Габриэль не стал уклоняться от призыва, свято веря, что страна должна дать отпор извечному врагу. «Странная война» многих деморализовала, и Габриэль, что правда, то правда, не раз подумывал, не будет ли он полезнее родине, если вернется в Доль, в коллеж, и продолжит заниматься математикой, но жизнь распорядилась иначе, и он остался. Вторжение в Норвегию, напряженная обстановка на Балканах, «предупреждения» нацистов Швеции... Последние новости заставляли Габриэля думать, что его присутствие в войсках может оказаться небесполезным. По природе он был скорее боязлив, но редко отступал перед лицом опасности и даже находил извращенное удовлетворение, оказываясь в запредельно опасных ситуациях.

Военврач оставил его на два дня в санчасти, сказав, что «хочет понаблюдать», и Габриэль получил возможность обдумать случившееся.

Доктор по-прежнему не понимал, как молодой старший сержант оказался запертым на складе.

– Вам следовало бы подать рапорт начальству... – не слишком уверенно предложил он.

Габриэль даже слушать не стал.

– Такие истории плохо пахнут, сержант. В таком месте, как наш форт, все мы зависим друг от друга...

Доктор не отступился: в день выписки он передал Габриэлю, что его хочет видеть комендант форта Майенберг. Немедленно. Майор не был ни смущен, ни расстроен, разве что напряжен, как человек, полагающий, что исполнил долг, тогда как он всего лишь пошел на поводу у собственной навязчивой идеи. Габриэль хотел было разозлиться, но это ничего бы не изменило, и он смирился.

Ожидая приема, Габриэль размышлял о сложившейся ситуации, а войдя и отдав честь, приготовился стоять на своем, но это не понадобилось: врач написал рапорт.

– Вы преподавали математику, я прав?

Ответить Габриэль не успел – его назначили унтер-офицером интендантской службы.

– Младший лейтенант Дарас будет отсутствовать три месяца, вы назначены его замещать.

Габриэль не верил своему счастью: прощай, подземная жизнь в Майенберге, да здравствуют вольный ветер и свет! Теперь он сможет ездить в Тионвиль, возвращаться в форт и чувствовать себя свободным!

– Вы знаете, что должны делать. Подберите трех человек, с которыми будете комплектовать заказы интендантства и оплачивать их, отчитываясь мне за каждую операцию. Возникнет проблема – сразу докладывайте. Вопросы?

Габриэлю хотелось расцеловать командира, но он, конечно же, сдержался, взял приказ о назначении и отдал честь.

Интендантство снабжало Майенберг мясом, кофе, хлебом, ромом, сублимированными овощами и много чем еще, все это возили грузовиками или доставляли по железной дороге в товарных вагонах. Остальное продовольствие – ранние овощи, парную птицу, молочные продукты – покупалось в розницу, и с этого дня закупками, равно как и «оплатой наличными» ведал Габриэль, что позволяло иметь дело с поставщиками, не имевшими армейских подрядов. В последние несколько месяцев конкурирующие службы, рекомендованные старшим капралом Ландрадом, серьезно затруднили деятельность официальных поставщиков.

Габриэль почувствовал себя много лучше, ему нормально дышалось, и он первым делом отправился поблагодарить врача, тот в ответ только рукой махнул – мол, не о чем говорить... Жить Габриэлю предстояло на квартире рядом со складом, нужно было собрать вещи. Вот ведь счастье – днем он сможет дышать деревенским воздухом, а ночью будет смотреть на звезды.

– Надо же, унтер-офицер интендантства! – Рауль Ландрад восхищенно присвистнул.

Габриэль забрал вещи и, не простившись, пошел по коридору навстречу свободе.

Ему пришлось задержаться у связистов, чтобы предъявить приказ командира и получить пропуск. Через три месяца вернется штатный сотрудник, а он снова отправится в Майенберг. Думать об этом не хотелось, и он решил не переживать. Мало ли что еще может случиться... хорошего.

Широкую эспланаду до отказа забили машины, одни солдаты грузили на них бобины ключей проволоки, другие повзводно шагали мимо. Габриэль направился к интендантству, жадно, как выпущенный из тюрьмы узник, вдыхая воздух свободы.

В пять вечера он вселился в свою комнатку – крошечную, но с окном, выходящим на лес за эспланадой, холодную, зато отдельную.

Он бросил вещмешок на пол и тут услышал шум из соседнего помещения, предназначенного его команде: кто-то ходил и разговаривал. Габриэль открыл дверь.

Ландрад, Шабрие и Амбресак раскладывали вещи.

– Эй, вы! – крикнул Габриэль.

Солдаты обернулись, изобразив удивление.

Рауль вышел вперед, улыбнулся:

– Мы подумали, что на новой должности тебе понадобятся опытные люди...

– Черта с два!

Рауль притворился оскорбленным:

– Ты отказываешься от помощи?!

Габриэль шагнул вперед, стиснув зубы, чтобы не прорвалась ярость, и процедил:

– Вы сейчас же уберетесь отсюда. Все трое.

Рауль опустил голову, долго шарил в кармане, достал платок в синюю полоску и медленно развернул. Габриэль похолодел. На ладони Ландрада лежала печатка с инициалами П. Д., похожая на ядовитое насекомое, та самая золотая печатка, пропавшая несколько месяцев назад у одного из солдат. Тогда из-за нее было много жарких споров.

– Дружок, мы видели, как ты прятал ее в мешок... – Рауль обернулся. – Правда, ребята?

Амбресак и Шабрие убежденно загалдели:

– Правда, правда...

Габриэль мгновенно понял, чем ему грозит выходка Рауля: если хозяин кольца подаст жалобу, он не сумеет доказать свою невиновность. Вот ведь ужас...

Ландрад спокойно положил печатку в платок и спрятал его в карман...

5

Мэтр Дезире Миго покинул Отель де Коммерс ровно в семь тридцать, купил утренние газеты и дошел до остановки, как обычно, дождался автобуса и поднялся наверх, на платформу. Устроившись на сиденье, он начал просматривать прессу и ничуть не удивился тому обстоятельству, что «процесс Валентины Буасье» освещается на первых полосах. Женщина, которую уже год называли «булочницей из Пуасье» – ее отец владел там булочной, – обвинялась в убийстве бывшего любовника и его нынешней пассии. Мэтр вышел из автобуса в трехстах метрах от руанского Дворца правосудия, медленным и размеренным шагом, диссонировавшим с его возрастом (Дезире вряд ли исполнилось тридцать!) и стройной поджарой фигурой легкоатлета, направился ко входу.

Он поднимался по ступеням, поглядывая на местных репортеров и любопытствующую публику, жаждавшую сенсационных откровений. Мысли адвоката были заняты тяжелейшим обвинением, способным послать его клиентку на гильотину, поскольку преступление квалифицировали как преднамеренное и она пыталась спрятать тело. Сказать, что положение Валентины было затруднительным, значило ничего не сказать. «Безнадежное дело!» – утверждал один газетчик, основываясь на том факте, что процесс не отложили, несмотря на несчастный случай с назначенным адвокатом: несколько дней назад бедняга попал под рефрижератор. «Решение принято, в этом нет сомнений!»

Почтительно поприветствовав коллег, мэтр Миго облачился в черное одеяние с пластроном, застегнул тридцать три пуговицы и водрузил на голову шапочку-эпитог под скептически-недоумевающими взглядами членов Руанской коллегии адвокатов, познакомившихся с блестящим парижанином всего месяц назад. Он вернулся в Нормандию по семейным обстоятельствам (его старая матушка была нехороша и нуждалась в присутствии сына) и без подготовки взялся за «это грязное дело», от которого все отбрыкивались. Жест произвел впечатление...

Красота обвиняемой с первого взгляда покорила зал судебных заседаний. У хрупкой молодой женщины было дивное лицо с высокими скулами и зеленые глаза. Строгий покрой костюма не скрывал великолепную фигуру.

Никто, впрочем, не брался предсказать, как внешность Валентины повлияет на присяжных. Довольно часто хорошеньких женщин судили куда строже и приговаривали к большим срокам заключения.

Мэтр Миго крепко пожал клиентке руку, произнес несколько слов, понизив голос, и занял место перед ней, чтобы наблюдать за «вялотекущим» процессом.

Накануне прокурор Франкетто ограничился перечислением фактов и обстоятельств дела, после чего огласил классический призыв «к суровости, с которой общество обязано...». Он предварительно взвесил все доказательства, имеющиеся против обвиняемой, напомнил себе, сколь слабо подготовлен ее адвокат, и решил не утруждаться. Человек он был ленивый и скорее недобросовестный, так что руанские завсегдатаи скандальных процессов не знали, стоит ли приходить в суд и выслушивать обвинительное заключение, которое ни жесткостью, ни изящным слогом не будет обязано Министерству юстиции.

Заместитель прокурора весь первый день опрашивал, а заодно и натаскивал свидетелей, а мэтр Миго лихорадочно листал папку с делом, стараясь держаться незаметно: каждый в зале заседаний понимал, как «угнетает» его ситуация. Присяжные с интересом наблюдали за ним, и в их глазах читалось снисходительное сочувствие – совсем как к мальчишкам, воруящим яблоки, или к рогоносцам.

К середине дня в Руанском суде стало скучно. Накануне ничего интересного не случилось, равно как и этим утром, так что процесс явно близился к завершению. Обвинительную

речь прокурор произнесет не раньше половины двенадцатого, и, если адвокат обвиняемой не взбодрится – а он, конечно же, не взбодрится, с чего бы это случилось? – много времени его ответное слово не займет. Ближе к полудню присяжные удалятся на заседание, прозвучит приговор, так что обедать все будут дома.

В девять тридцать генеральный адвокат отпустил последнего свидетеля, и мэтр Миго неожиданно «очнулся», затуманенным взором посмотрел на человека, дававшего показания, и спросил (присутствующие наконец услышали его голос!):

– Скажите, господин Фьербуа, вы видели или встречали мою клиентку утром семнадцатого марта?

– Так точно! – рывкнул свидетель, бывший военный, а ныне консьерж. – Я тогда подумал: «Эта малышка – ранняя пташка, трудолюбивая девочка...»

По залу прошел гул, председатель взялся за молоток, и мэтр Миго встал:

– Почему же вы не сказали об этом полицейским?

– А меня никто не спрашивал...

Голоса зазвучали громче – публика изумилась, а заместитель прокурора заподозрил неладное.

Стало ясно, что расследование провели на скорую руку.

Молодой адвокат, досконально изучивший дело, сумел вникнуть в мельчайшие детали и заставил одних свидетелей изменить показания, других запутал, действие оживилось, присяжные наслаждались, взбодрился даже судья, которому до пенсии оставалось несколько недель.

Пока молодой защитник обнажает промахи сыщиков, вранье и приблизительность показаний свидетелей, торопливость следствия, напоминает присутствующим статьи уголовно-процессуальной процедуры, попытаемся понять, кто этот блестящий молодой адвокат, имеющий все шансы перетянуть присяжных на свою сторону.

Дезире Миго не всегда был мэтром Миго.

В году, предшествовавшем «процессу Буасье», он три месяца звался «мсье Миньоном» и был учителем единственного класса школы в Риваре-ан-Пюизэ, где применял к ученикам педагогические новации. Школа превратилась в одеон²¹, а дети весь первый триместр сочиняли «конституцию идеального общества». Мсье Миньон внезапно исчез накануне появления инспектора академии, но оставил неизгладимое воспоминание в сердцах своих детей (и умах родителей, но по прямо противоположным причинам).

Несколько месяцев спустя он становится Дезире Миньяром, пилотом аэроклуба в Эврё. Он никогда не сидел ни в одном самолете, но предъявил летную книжку и железобетонные свидетельства-справки. Проявив заразительный энтузиазм, он организовал для нескольких богатых клиентов из Нормандии и Парижского района потрясающую экспедицию на борту «Дугласа ДС-3» по маршруту Париж—Калькутта через Стамбул, Тегеран и Карачи, предложив себя в качестве пилота и гида (никто, естественно, и вообразить не мог, что этот рейс стал бы первым в его жизни!). Пассажиры числом двадцать один надолго сохранили в памяти момент, когда Дезире в пижонском обмундировании пилота завел моторы (механик с большой тревогой следил за его необычной манерой), потом вдруг нахмурился, заявил, что необходима последняя проверка, покинул самолет, направился к ангарам и исчез – навсегда прихватив кассу аэроклуба.

Гвоздем его недолгой карьеры стала продлившаяся два месяца работа хирургом в госпитале Сен-Луи в Ивернон-сюр-Сон под именем Дезире Мишара. Доктор едва не осуществил

²¹ *Одеон* – здание для проведения певческих и музыкальных представлений и состязаний. Самый древний одеон воздвигнут в Спарте в VII в. до Р. Х. зодчим Феодором. Впоследствии одеоны использовались для различных общественных целей. Позже слово «одеон» стало нарицательным. В новейшее время одеоном принято называть помещения, предназначенные для общественных развлечений – концертов, танцев и т. п. В Париже название «Одеон» носит один из театров.

серкляж²² (!) пациенту с дефектом межжелудочковой перегородки – наличием сообщения между правым и левым желудочками сердца. Дезире в последний момент остановил анестезиолога, покинул операционный блок и больницу... с содержимым сейфа финансового отдела. Больной отделался легким испугом, руководство пережило немало неприятных минут и выглядело по-идиотски. Дело замяли.

Никому ни разу не удалось узнать, кем на самом деле был Дезире Миго. С уверенностью можно сказать одно: он родился в Сен-Ном-ла-Бретеш, провел там детство, учился в школе и коллеже, а потом исчез.

Мнения встречавшихся с Дезире людей были так же разнообразны, как его жизнь.

Члены аэроклуба, знавшие пилота Дезире Миньяра, описывали его как человека смелого и предприимчивого («Он был лидером!»), пациенты доктора Дезире Мишара вспоминали внимательного, серьезного, собранного человека («Он был немногословен...»), родители учеников Дезире Миньона описывали незаметного, застенчивого молодого человека («Закомплексованный... как женщина...»).

Вернемся в зал суда, где изнемогающий председательствующий дочитывает туманное обвинительное заключение, основанное – в силу отсутствия бесспорных доказательств – на выкладках, которые никого не впечатлили.

Наступила очередь Дезире Миго.

– Хочу в первую очередь поблагодарить вас, господа присяжные, за то, что отнеслись к этому процессу как к особому казусу. Кто обычно предстает перед вами? Кого вы судили в последние месяцы? Пьяницу, проломившего череп сыну чугунной сковородой. Бандершу, прикончившую строптивного клиента, – она нанесла ему семнадцать ударов ножом! Бывшего жандарма, переквалифицировавшегося в скупщика краденого, он привязал одного из своих поставщиков к рельсам на линии Париж—Гавр, и поезд разрезал его на три куска. Вы легко согласитесь с утверждением, что моя клиентка – хорошая католичка, примерная дочь уважаемого булочника, блестящая, но скромная ученица коллежа Сент-Софи – не имеет ничего общего с теми убийцами и душегубами, которым самое место на скамье подсудимых.

Молодой адвокат, который в начале процесса выглядел невзрачным и растерянным, а во время опроса свидетелей прямым и твердым, теперь выглядел безупречно элегантным, говорил ясным звучным голосом, его жесты были выверены и выразительны, двигался он легко, но не беспорядочно и все больше нравился публике.

– Задача господина прокурора, господа присяжные, вряд ли представлялась ему сложной, ведь приговор был вынесен заранее.

Дезире вернулся к столу, схватил пачку утренних газет и продемонстрировал жюри первые полосы.

– *Норманди-Экспресс*: «Жизнь Валентины Буасье решается в зале Руанского суда». *Ле Котидьен дю Бокаж*: «Маленькая булочница в двух шагах от гильотины». *Руан-Матен*: «Приговорят ли Валентину Буасье к пожизненному заключению?» – Дезире помолчал, расплылся в улыбке и продолжил: – Редко, когда глас народа и министерство хором и членораздельно объясняют присяжным, в чем состоит их долг. Могла произойти чудовищная по тяжести и скандальности судебная ошибка!

В зале повисла напряженная тишина.

Мэтр Миго рассмотрел все обвинения, выдвинутые против его клиентки с позиций «подтвержденного доказательствами соображения», и жюри прониклось к нему еще большим уважением за красивую, хоть и не вполне понятную формулировку.

²² *Серкляж* – метод соединения костных отломков (!) путем проведения металлической или синтетической ленты, проволоки и прочего вокруг кости; применяется главным образом при костных и спиральных переломах.

– Этот процесс можно было бы остановить прямо сейчас, господа присяжные: мы имеем здесь (он помахал внушительной пачкой документов) все мотивы, позволяющие требовать аннулирования процедуры, ибо *нарушения формы* бесчисленны. Сначала процесс «закрыли» журналисты, теперь это надлежит сделать суду. Но мы предпочтем пройти весь путь до конца. Моя клиентка не согласится обрести свободу благодаря процедурным ухищрениям.

Всеобщее изумление.

Клиентка Дезире была на грани обморока.

– Она требует рассмотрения фактов. Хочет, чтобы ваш приговор основывался на истине. Умоляет, чтобы, зачитывая его, вы смотрели ей в глаза. Заклинает понять, что ее поступок был спонтанным, что она защищалась. Да, господа, это был чистой воды акт самообороны!

Зрители начали перешептываться, председатель суда недовольно покачал головой.

– Именно так, господа, Валентина защищала свою жизнь, потому что она – жертва, а палачом был убитый ею любовник.

Адвокат долго перечислял притеснения, грубости, придирки и унижения, которые его клиентка сносила от человека, застреленного ею из револьвера. Присяжные и публика ужасались красочному описанию вершившегося насилия. Мужчины опускали глаза. Женщины кусали кулаки, чтобы не закричать.

Почему Валентина ни разу не пожаловалась, ничего не рассказала ни полицейским, ни следователю о столь ужасных обстоятельствах и все открылось лишь сегодня?

– Ей не позволяли приличия, господа присяжные! Полное самоотречение! Валентина Буасье лучше умрет, чем покусится на репутацию мужчины, которого когда-то так сильно любила!

Далее Дезире заявил, что его клиентка похоронила тела своих жертв не потому, что хотела их спрятать, но для того, чтобы обеспечить им «достойное погребение, которого церковь наверняка лишила бы несчастных за распущенность нравов».

Кульминацией речи стал момент, когда Дезире, рассказав об ужасных шрамах, оставленных мучителем на теле Валентины, повернулся к ней и приказал раздеться до пояса. Дамы в зале закричали от ужаса, председатель гаркнул на подсудимую, запрещая ей обнажаться, а она стала пунцовой от испуга, поскольку ее прелестная грудь оставалась девственно белой и свободной от всякого уродства. Румянец приняли за проявление целомудрия. Публика гудела, Дезире Миго, неумолимый, как статуя Командора, простер руки к судье:

– Я не настаиваю на демонстрации, ваша честь... – И он нарисовал портрет «палача Валентины», изобразив его помесью лесного людоеда с сатанинским злодеем-извращенцем, а закончил речь пафосным обращением к присяжным: – Вас призвали творить правосудие, отделить правду от лжи, противостоять голосу черни, которая готова слепо осуждать всех и каждого. Вы здесь, чтобы отдать дань мужеству и благородству и поддержать невинность. Я не сомневаюсь, что слова участия возвеличат вас и это благородное чувство укрепит правосудие нашей страны, чьим олицетворением вы сегодня являетесь.

Присяжные удалились для совещания, а Дезире окружили репортеры, журналисты и даже собраты по цеху, чтобы, пусть и неохотно, поздравить его с блестящим выступлением. Председатель коллегии протолкался через толпу, приобнял молодого юриста за плечи и увлек за собой:

– Вот ведь какая незадача, мэтр: мы не получили подтверждения ваших полномочий у парижских коллег.

Дезире изобразил удивление.

– Воистину необъяснимый факт!

– Не могу не согласиться. Я хотел бы поговорить с вами у себя в кабинете, когда дело будет кончено...

Зазвенел колокол, созывая всех в зал. У Дезире Миго осталось несколько минут для посещения туалета.

Трудно сказать, убедила присяжных речь адвоката или им захотелось развеять провинциальную скуку и они проявили добродетельную мужественность, но Валентину Буасье приговорили к трем годам тюремного заключения с отсрочкой исполнения наказания, а с учетом времени, проведенного в предварительном заключении, освободили в зале суда.

Ее защитник бесследно исчез. Оспаривать приговор значило бы признать, что полиция и судейские чиновники позволили фальшивому адвокату действовать совершенно безнаказанно, и все... «отвернулись».

6

Луиза читала и перечитывала повестку, выписанную следователем Лепуатвеном, пытаясь понять, что означает формулировка «в связи с касающимся вас делом», но так ни до чего и не додумалась. Ночью страх подполз совсем близко, цеплялся за ноги, душил, не давая дышать. Если речь об оскорблении нравственности, почему ее вызывает *он*, разве это теперь не дело суда? Она вообразила, как стоит перед сидящими в ряд юристами, нервно протирающими очки, ломающими оправы и посылающими ее на гильотину, а палач с лицом Лепуатвена вопит пронзительным голосом: «Вот, значит, как... мы хотим продемонстрировать свою... свой...», она голая, а судья пялится на ее промежность. И смотрит, и смотрит... Она проснулась в липком поту.

В четверг она была готова уже к семи утра, даже пальто надела, хотя ей назначили явиться к десяти. Руки у Луизы слегка дрожали, но она все-таки сварила себе еще кофе, выпила чашку, ополоснула ее и решила: чем томиться дома, лучше ждать у кабинета. В этот момент кто-то нажал кнопку звонка у ворот.

Она подобралась к окну и увидела мсье Жюль: хозяин «Маленькой Богемы» стоял на тротуаре и не отрываясь смотрел на фасад ее дома. Луизе не хотелось открывать – не было настроения разговаривать. Мсье Жюль никак не замешан в случившемся; игнорируя его, она поступает, как члены античного муниципалитета, убивавшие гонцов, принесших дурную весть. Ресторан ассоциировался у нее с недавним злоключением, хотелось найти виноватого, и мсье Жюль вполне подходил, поскольку не справился с ролью защитника. Луиза жила напротив ресторана, но он надел парадный костюм (слишком тесный) и лаковые штиблеты. Не хватало только букета! Ресторатор напоминал человека, явившегося просить руки любимой женщины и заведомо обреченного на отказ.

Несколько дней назад автобус, за которым она пряталась, задержался, и ей пришлось передвигаться в открытую. Пробегая мимо ресторана, она заметила мсье Жюль со стопкой тарелок. В те редкие дни, когда она отсутствовала, он брал ее работу на себя, и, по словам очевидцев, «это было что-то с чем-то!». Мсье Жюль обслуживал посетителей в точности так, как вел беседу. Он путал столы, забывал хлеб, ложечку, заказанные блюда попадали к едокам остывшими, если вообще попадали, счет приходилось ждать почти час, клиенты нервничали, хозяин выходил из себя («Ходите в другое заведение!»), самые нетерпеливые швыряли на стол салфетки («Прекрасно, так и поступим!»), завсегдатаи вздыхали. Короче, невыход Луизы на работу наносил урон репутации заведения и сумме выручки, но мсье Жюль категорически отказывался брать кого-то на ее место, предпочитал метаться между кухней и залом и терять клиентов!

Луиза бросила взгляд на часы и поняла, что придется впустить ресторатора.

Он стоял, заложив руки за спину, и смотрел, как она идет к нему по дорожке.

– Могла бы появиться... Мы беспокоились о тебе!

«Мы», подразумевавшее его самого, клиентуру ресторана, соседей и весь земной шар в целом, прозвучало как: «Мы, особы королевской крови», и он сам почувствовал его неуместность.

– Я хотел сказать...

Он помолчал, глядя в ее лицо.

Луиза не открыла калитку, и мсье Жюль подумал: «Бедняжке плевать на слухи и сплетни...»

– Ты хоть нормально себя чувствуешь? – спросил он.

– Вполне...

– Собралась куда-то?

– Нет. То есть... да.

Он кивнул с понимающим видом и вдруг вцепился обеими руками в прутья решетки, как заключенный в камере.

– Скажи честно, ты вернешься?

Мсье Жюль придвинулся совсем близко, и берет съехал на затылок, придав ему комичный вид, но его волновал только ответ Луизы.

Она пожала плечами:

– Не думаю... Нет.

В эту же секунду в ней что-то сломалось: за короткий отрезок времени она стала свидетельницей самоубийства, пережила унижительный допрос, обвинение в оскорблении общественной нравственности, объявление войны, но принятое решение выталкивало ее в новую жизнь, и это пугало.

Мсье Жюль тоже был потрясен. Он отшатнулся, едва не заплакал, попробовал улыбнуться и не смог.

– Конечно, я понимаю.

Луизе стало невыносимо горько. Нет, она не сожалела, что они расстаются подобным образом, дело было в любви: мсье Жюль являлся частью подошедшей к концу предыдущей жизни.

Толстяк в парадном костюме и нелепой беретке топтался на месте, бормоча:

– Ладно... что уж тут... ничего не поделаешь... пойду...

Луиза молча смотрела вслед комичному персонажу, пока он не скрылся за дверью своего ресторана, потом достала платочек, чтобы вытереть слезы, и только тут сообразила, что он не задал ей ни одного вопроса. Что ему известно о случившемся? Мсье Жюль, конечно же, заметил отсутствие доктора (первое за многие годы), но вряд ли связал это с Луизой. Может, «Пари-Суар» дала заметку в рубрике «Происшествия», он прочел ее и сопоставил факты?

Луиза покинула дом и пошла к автобусной остановке. Разговор с мсье Жюлем так ее расстроил, что она почти не думала о свидании с судьей Лепуатвеном.

– Дело касается вас напрямую! – сообщил юрист.

На сей раз очков на нем не было – наверное, отдал в починку, – он вертел в руке длинную самописку и смотрел на Луизу с прищуром.

– Вы...

Судья выглядел разочарованным. Усталая, потерянная, сидящая в подушках на больничной кровати, Луиза показалась ему соблазнительной, этакой бульварной Козеттой (Лепуатвен предпочитал именно таких девушек), а у него в кабинете выглядела незначительной, посредственной... как замужняя женщина. Он бросил ручку на стол и уткнулся в папку с делом.

– Что касается ущерба общественной нравственности... – произнесла Луиза недрогнувшим голосом – и сама себе удивилась.

– Речь о другом...

По его скучному тону она поняла, что это обвинение тоже будет снято.

– По какому же праву вы снова вызвали меня на допрос?

Услышав слово «право», Лепуатвен разозлился. Он театральным жестом скрестил руки на груди и заговорил, глядя в окно:

– Что значит, *какое я имею право*? Вы стоите перед лицом Правосудия, мадемуазель! И обязаны отвечать ему!

Напыщенность фразы не впечатлила Луизу. Она продолжила – очень спокойно:

– Не понимаю, зачем я здесь...

– Затем, что вы – не центр Вселенной, мадемуазель!

«О чем он?»

– Нет, не центр... – повторил крючоктвор, и Луиза испугалась.

Судья сделал знак молодому секретарю, тот вздохнул, вышел и через несколько секунд зашел в кабинет элегантную даму лет шестидесяти с печальными глазами. Ей пришлось сесть рядом с Луизой, и молодая женщина почувствовала тонкий аромат незнакомых, но явно очень дорогих духов.

– Госпожа Тирьон, мне жаль, что я снова докучаю вам...

Лепуатвен кивнул на покрасневшую Луизу.

Вдова Тирьон смотрела прямо перед собой и даже не моргнула в ответ.

– Дело о смерти вашего супруга закрыто...

Долгая пауза призвана была подчеркнуть последствия этого установления и тайну нового вызова. Луиза совсем запуталась: если никакого дела нет, что ей грозит?

– ...но есть другой аспект! – отчеканил судья, как будто прочитав ее мысли. – Обвинения в занятиях проституцией и оскорблении общественной нравственности сняты, однако остаются...

Его склонность к театральной аффектации, так мало свойственная рядовым юристам, была почти непристойной и пахла дискреционной юстицией.

– Финансовое вымогательство! Если мадемуазель не продавала свои прелести, за что ваш муж собирался заплатить ей столь крупную сумму? Здесь явно имел место шантаж!

Луиза онемела. Что за абсурдное предположение, чем она могла шантажировать доктора Тирьона?

– Если вы подадите жалобу, мадам, мы сможем провести расследование и доказать факт лихоимства!

Он повернулся к Луизе.

– А вас приговорят к трехлетнему тюремному заключению и штрафу в сто тысяч франков!

Судья пристукнул ручкой по столу, отметив конец угрожающей тирады.

Луиза потрясенно молчала. Три года тюрьмы! С нее едва сняли одно обвинение – и уже выдвигают другое... Она готова была разрыдаться и вдруг скорее почувствовала, чем увидела движение мадам Тирьон.

Женщина отрицательно покачала головой.

– Заклинаю вас подумать, мадам! Вам нанесли огромный моральный урон. Вы потеряли мужа, человека безупречной репутации, не из тех, кто «ходит по девочкам». Раз он дал мадемуазель денег, значит у него была на то веская причина!

Луиза почувствовала, как напряглась мадам Тирьон. Женщина открыла сумочку, достала платок и промокнула слезы. Лепуатвен определенно не в первый раз уговаривал вдову доктора подать жалобу, не преуспел, но не сдался и все еще надеялся добиться своего.

– Эту непомерную сумму мсье Тирьон изъясил из семейного бюджета! Мы можем выяснить причину его поступка и наказать виновную!

Лепуатвен зашелся визгливым смехом. Луиза хотела вмешаться, но присутствие плачущей вдовы не давало ей шевельнуться.

– Возможно, мадемуазель и раньше обирала вашего мужа! Только представьте, как много денег это... существо выкачало из доктора, сколько она отняла у вас!

Приведя столь веский аргумент, судья просветлел лицом.

– Эти деньги вернутся к вам, мадам! Станут частью наследства вашей дочери Анриетты! Но без жалобы не будет расследования и мы не отыщем истину!

Луиза понимала, что обязана вмешаться: нельзя, чтобы они считали ее шантажисткой и воровкой, она не брала никаких денег, конверт так и остался лежать на комод...

Мадам Тирьон не переставая качала головой, и Лепуатвен взорвался:

– Секретарь! – Он резко махнул рукой, молодой человек вздохнул, взял с полки какой-то предмет и подошел к столу судьи.

– Что скажете на *это*, мадам Тирьон?!

Он указывал пальцем на кухонный нож, который Луиза перед роковым свиданием взяла с собой, его, должно быть, нашли при обыске. Обычная вещь, снабженная этикеткой с фамилией «Бельмонт» и порядковым номером, теперь выглядела опасно. Подобным ножиком мог бы воспользоваться и убийца.

– Если «девушка» прогуливается с такой штукой в кармане, намерения у нее вряд ли невинные, это вы, надеюсь, понимаете?!

Вопрос был риторическим: постановление о прекращении дела приводило юриста в бешенство, он жаждал наказать *эту девку* – и не мог!

– Подайте жалобу, мадам!

Лепуатвен схватил нож, как будто и впрямь намеревался пустить его в ход, но пока не решил, кого прикончить – молодую распутницу, ушедшую от ответа, или вдову, чье упрямство не позволяло ему выступить в роли карающего меча Правосудия.

Все было напрасно. Мадам Тирьон хотела покончить с неприятным делом раз и навсегда. Она вскочила и выбежала так стремительно, что застала врасплох и молодого секретаря, и удрученного неудачей судью.

Луиза была спасена. Снова.

Она пошла к двери, ожидая, что в спину ей вот-вот прозвучит властное: «Сядьте, мадемуазель, я вас не отпускал!» Мучитель промолчал. Она покидала Дворец правосудия свободным человеком, но на душе было тяжело из-за встречи с вдовой.

Повернув в аркады, Луиза, к своему удивлению, увидела мадам Тирьон, та стояла у колонны и разговаривала с какой-то женщиной, скорее всего своей дочерью – между ними имелось явное сходство, хотя младшая Тирьон выглядела далеко не так элегантно, как мать. Обе проводили Луизу взглядом, и ей стоило больших усилий не ускорить шаг. Она пересекла эспланаду, сгорая от стыда и глядя в землю.

День или два Луиза бесцельно бродила по комнатам, потом решила и написала директору школы, что с понедельника приступит к работе, после чего отправилась на кладбище, как поступала всегда, если была в растерянности.

Она подошла к семейной могиле, поменяла воду в вазе и поставила в нее цветы. Эмалевые медальоны с фотографиями отца и матери соседствовали на мраморной доске, но выглядели ее родители людьми разных поколений. Мсье Бельмонт умер в 1916-м, жена пережила его на двадцать три года.

Луиза совсем не помнила отца, а с матерью была очень близка, хотя депрессия превратила милую любящую женщину в тень, в призрак самой себя.

Часть своего детства Луиза ухаживала за ней, не считая это за труд. Они были очень похожи, но она до сих пор не поняла, хорошо это или плохо. С фотографии на молодую женщину смотрело ее собственное лицо с чувственным ртом и очень светлыми глазами.

Впервые после смерти Жанны ей захотелось поговорить с матерью по душам, и она подумала: «Верно говорят – лучше жалеть о сделанном...»

Траур закончился. Луиза будет приходить на могилу, но ее сердце больше не плачет.

7

«Аннексировав» территорию Габриэля, Рауль Ландрад развернулся в полную силу. В первый день он сел за руль грузовика, курсировавшего между интендантством и торговыми точками Тионвиля, и любой сторонний наблюдатель признал бы в нем уверенного в себе человека, отвечающего за дело, для которого создан.

За спиной Ландрада устроились его цепные псы Амбресак и Шабрие.

– Как там его зовут, этого зеленщика? – спросил Рауль.

В мозгу Габриэля прозвучал тревожный звонок.

– Флутар, Жан-Мишель Флутар.

Рауль покачал головой, «надев» на лицо скептическое выражение. Началась война за влияние. Заранее проигранная война. В каждом магазине, в каждой лавке, наблюдая за погрузкой товаров, Габриэль видел, как Рауль закулисно общается с продавцами. Потом он исчезал – на час, иногда отсутствовал дольше, – точь-в-точь как клиент, обремененный кучей дел. Сразу после трех им пришлось прождать его целый час.

– Может, забежал в бордель, – предложил Шабрие.

– Или играет в бонто в соседнем переулке, – добавил Амбресак. – Если хотим успеть за сигаретами, нужно поторапливаться.

Наконец капрал появился, толкая тележку с мешками и ящиками, прикрытыми куском джутовой ткани. Габриэль сделал ему замечание самым суровым тоном, на какой был способен.

– Едем, шеф, уже едем! – со смехом отвечал Рауль.

Они тронулись в пять вечера и впервые вернулись в Майенберг так поздно.

На следующий день, в Тионвиле, Рауль сразу направился к новому поставщику. Габриэль смолчал, признав свое поражение. Ландрад возрадовался и меньше чем за неделю закинул сети на всех направлениях.

Обычно грузовик выезжал пустым, а возвращался забитым под завязку. Уже на второй неделе машина из Майенберга стала отправляться в рейс, загрузив в кузов некоторое количество коробок, ящиков и мешков. Однажды Габриэль залез на колесо и потянулся к брезенту. Тут же последовал окрик Рауля:

– Это личные вещи!

В его голосе прозвучала сдержанная угроза, тонкие губы сложились в улыбку, напоминавшую гримасу, он как будто сознательно провоцировал старшего по званию.

– Мы оказываем услуги нашим парням, понимаешь? – продолжил он, аккуратно поправил брезент, спрыгнул на землю и посмотрел в глаза Габриэлю.

– Если хочешь, можем послать ребят ко всем чертям, скажем, что больше палец о палец ради них не ударим. Если *ты* хочешь...

Их уже и так считали группкой привилегированных мерзавцев, которые день напролет таскаются по городу, пока другие гниют во чреве Майенберга или заливают под дождем бетон, так что реакция на подобное заявление – если на него решиться – будет соответствующей. Габриэль занял свое место в кабине...

Через несколько километров колесо попало в выбоину, раздался звон разбитого стекла – и кабину заполнил аромат рома.

– Остановимся ненадолго, нам надо кое с кем встретиться, – сказал Рауль.

Габриэль и рта не успел раскрыть – Шабрие уже передавал ящики Амбресаку, стоявшему на тротуаре у «Спортивного бара», Ландрад зашел внутрь. Габриэль понял, что его «напарники» воруют спиртное и кофе со складов интендантства и перепродают хозяевам местных заведений всех рангов...

– Держи... – Рауль вернулся в кабину и протянул ему несколько мятых банкнот. – Немного, но все-таки...

– Так дальше продолжаться не может... – Габриэль побледнел от злости.

– Неужели? И что ты сделаешь? Как объяснишь штабным, почему покрывал меня целую неделю, а? Не забудь сказать, сколько имеешь сам, им понравится.

– Я не прикасался к твоим деньгам!

– Еще как прикасался, мы все видели, так, парни?

Амбресак и Шабрие дружно кивнули. Рауль схватил Габриэля за плечо:

– Брось ломаться, старина, бери деньги! Через три месяца вернешься в форт, а там никому не будет дела до твоих... подвигов.

Габриэль стряхнул руку Ландрада, но тот не успокоился, хотел, чтобы последнее слово осталось за ним.

– Поступай, как знаешь. Пошевеливайтесь, ребята, у нас много работы.

На третьей неделе Рауль придумал новый вид торговли – из военной прачечной. Он продавал окрестным крестьянам мешки кальсонов, курток, одеял, даже ботинок и отлично зарабатывал, зачерпывая из «живорыбного садка».

Старший капрал Ландрад был воистину талантлив. Огромное количество разнообразного товара покидало форт так стремительно и скрытно, что Габриэль иногда спрашивал себя, не чудится ли ему все это. «На выходе» никто ничего не замечал, поскольку отобранное им было спрятано среди законных поставок.

Как-то раз в пятницу, день капитального пополнения запасов, четыре машины привезли тяжелые и громоздкие продукты: сублимированные овощи, консервы, бочки с вином, кофе и много чего еще. В форте все перегружали в вагонетки, курсировавшие по коридорам к интендантству и кухням. Внезапно погас свет, и туннель погрузился в полную темноту. «Это что еще за шутки?!» Пришлось звонить на электростанцию, появился недовольный техник в налобном фонаре, поковырялся тут, поковырялся там – «и стал свет»... Габриэль успел увидеть, как захлопнулась дверь одного из складов. Рауль со товарищи появились только через час: все трое выглядели очень довольными.

Через неделю, во вторник, Рауль перехватил Габриэля и отвел его в сторонку.

– Хочешь расслабиться?

Он порылся в карманах и достал смешной билетик с печатью, одной цифрой и несколькими буквами.

– Если хочешь, мы тебя завезем, сами сделаем работу, а на обратном пути подхватим тебя...

Ландрад изобрел «бордельные талоны». Одно заведение находилось в тридцати километрах от форта, другое в шестидесяти. Добираться до того и другого приходилось поездом. Железнодорожная линия окупалась благодаря краткосрочным увольнительным. Рауль протянул «талончик» и добродушно ухмыльнулся.

– Спасибо, нет! – отрезал Габриэль.

Рауль пожал плечами и убрал бумажку в карман. Что за соглашение он заключил с содержательницей борделей? О каких тарифах договорился, какие поставки посулил? Габриэль ничего не желал знать, но не мог не видеть, какую силу взяли «талоны на разврат»: их бросали на кон, играя в бонто, обменивали на продукты. Вскоре они стали параллельной валютой в «подземной» экономике Майенбурга, которой управлял старший капрал Ландрад.

Дело принимало пугающий оборот.

За три недели «система Ландрада» заработала в полную силу. Габриэль был потрясен стремительностью ее внедрения в жизнь форта и широтой охвата, но разоблачить Рауля не мог, и в нем сработал преподавательский рефлекс: он начал все записывать, хоть и не знал

точных количеств и фамилий контрагентов Ландрада. Возвращаясь к себе, он помечал в блокноте названия продуктов, предполагаемые исходные и конечные точки, дни и часы. Габриэль притворялся, что не видит, как капрал общается с хозяйкой мясной лавки, бакалейщиком, поставщиком вина, но все записывал. Грузовик привозил в Майенберг блоки сигарет, пакеты с табаком, сигары в коробках, не фигурирующие ни в одной официальной накладной, и Габриэль брал все это «на карандаш».

Шли дни, похожие один на другой, и радость избавления от удручающей атмосферы Майенберга сменилась желанием вернуться туда и избавиться наконец от шантажиста и его грязных делишек. Он ясно осознал, что рано или поздно организаторы грандиозных махинаций будут арестованы военной полицией. Оставалось одно – подделывать цифры и маскировать «неудобные» детали.

Очень скоро произошли два события, и Габриэль, не успев понять, что к чему, был подхвачен вихрем эпохи: его жизнь изменилась, чтобы никогда не стать прежней.

Бывает, что сложные операции проваливаются в одно мгновение: коммерческая империя старшего капрала Ландрада рухнула за один день.

Все началось с глупой ошибки Рауля.

Проверяя кузов, Габриэль обнаружил между двумя пустыми ящиками четыре канистры дизельного топлива.

– Да это пустяк! – сказал Ландрад. – От нас не убудет, а беднягам-землепашцам хоть в петлю лезь из-за ограничений на горючку!

Рауль украл со склада в Майенберге солярку, на которой работала система вентиляции и фильтрации. Пока Габриэль находился в форте, он часто проверял ее работу и воспринял поступок капрала как предательство, посчитав, что в случае газовой атаки недостаток топлива может погубить французских солдат.

Вид канистры спровоцировал приступ астмы, он ужасно побледнел, повернулся к Ландраду, прошипел:

– К черту твою коммерцию, Ландрад! – и спрыгнул на землю.

– Постой, приятель! – крикнул тот.

Его дружки заступили Габриэлю дорогу.

– Все кончено, подонок!

Голос Габриэля сорвался, на них начали оборачиваться. На лицах солдат читались любопытство и недоумение, но он закусил удила, выхватил из кармана заветный блокнотик с компроматом и отчеканил:

– Я все записал! Твои махинации, даты, время! Будешь объясняться с командиром!

Рауль отреагировал мгновенно, оценив всю опасность ситуации, возможные последствия, и впервые запаниковал. Увидел боковым зрением приближавшихся с разных сторон солдат, он ударил Габриэля в солнечное сплетение, и тот сложился пополам. Амбресак тянул его за подмышки, Рауль пытался отобрать опасный документ, но Габриэль держал его мертвой хваткой. Негодяи затащили героя в полутемную комнату и принялись избивать. Амбресак ударил его ногой в пах, и Габриэля вырвало.

– Прекрати! – рявкнул Ландрад, оттаскивая своего приспешника, наклонился к Габриэлю и мягко попросил: – Не валяй дурака, отдай блокнот и вставай, все будет хорошо...

Габриэль только крепче вцепился в блокнот и свернулся улиткой, подтянув колени к голове.

Внезапно завывли сирены.

Боевая тревога...

По коридорам бежали десятки солдат.

Рядовой второго класса запнулся о валявшийся на земле вещмешок. Рауль схватил его за плечо и проорал:

– Что, черт возьми, происходит?

Молодой парень не отвечал, замороженный видом избитого Габриэля.

Рауль повторил вопрос.

– Война... – пробормотал рядовой.

Габриэль поднял голову.

– Боши... Они в Бельгии!..

8

В понедельник Луиза вышла на работу. Коллеги здоровались с ней сдержанно, скорее даже небрежно – не так, как бывает, когда человек возвращается в коллектив после болезни. Каждый был озабочен собой и ситуацией в стране. Учителей, которых не мобилизовали в 1939-м, призвали на воинскую службу. Многие уехали из Парижа. Преподавателей стало меньше, а учеников прибавилось, у многих беженцев были дети, не хватало столов и стульев, всего не хватало. В избытке были только оскорбления. Повторяя за родителями, многие маленькие французы называли маленьких бельгийцев «бошами с севера», передразнивали акцент люксембуржцев, пикардийцев, уроженцев Лилля. Война медленно, но неотвратимо, как ядовитый туман, заползала на школьный двор.

Ежедневные газеты освещали неожиданное наступление немцев, начавшееся двумя днями раньше, первые полосы пестрели броскими заголовками. «Война ведет против нас смертельную битву», – заявил генерал Гамелен. Фраза прозвучала напыщенно, а значит, успокоительно. Еще недавно события разворачивались в соответствии с прогнозами и предсказаниями, но внезапное наступление застало французов врасплох. Все удивились... Те, кто с пеной у рта утверждал, что война останется *дипломатической*, старались держаться незаметно. Журналисты наперебой утверждали: «Генеральный штаб владеет ситуацией...», «Голландия и Бельгия ожесточенно сопротивляются ордам рейха...», «Немцы остановлены перед бельгийскими линиями!..», «Беспокоиться не о чем...». Еще утром пресса уверяла читателей, что в Бельгии франко-британские силы «парализовали» продвижение врага, что жестокий удар агрессоров «приняли на себя союзные армии», а подошедшие французские части «взбодрили» защитников.

Звучало красиво, но никто не знал, как обстоят дела в действительности. Начиная с сентября на все лады звучало утверждение: «Решающим оружием этой войны будет информация», – французские газеты развернули массированную кампанию, призванную поддержать веру граждан в победу. То и дело упоминалось число сбитых немецких самолетов. Мальчишки на переменах играли в войну.

– Говорю вам – десять в день! – горячилась мадам Гено.

– По радио называли цифру тридцать, – возражал кто-то.

– А это что, по-вашему? – спрашивал мсье Лафорг, потрясая номером «Энтрансижан»²³, в котором речь шла о пятидесяти сбитых самолетах.

Никто не нашелся что ответить.

– *Num nos adsentiri huic qui postremus locutus est decet?*²⁴ – спросил директор с многозначительной улыбкой, смысла которой никто не уловил.

Заметив Луизу, беседующие отодвинулись, но не для того, чтобы дать ей место, а просто хотели оказаться подальше.

– Лично я ничего не понимаю, – призналась мадам Гено, – но война в любом случае мужское дело...

Ее тон был еще более ядовитым, чем обычно, бегающий взгляд предвещал одну из гадостей, на которые она была большая мастерица.

– А в мужские дела вмешиваются только женщины определенного сорта...

Луиза почувствовала на себе взгляды коллег. Положение спас колокол, возвестивший окончание перемены. Учителя разошлись по классам.

²³ «Энтрансижан» – французская газета, основанная в июле 1880 г. Виктором Анри Рошфором, маркизом де Рошфор-Люсе (1831–1913), французским политическим деятелем и автором водевилей.

²⁴ Можем ли мы согласиться, что последнее сказанное обязательно истина? (лат.)

Обед в столовой оказался мучительным испытанием, и в конце дня Луиза решила поговорить с директором. Этому человеку без возраста еще восемь лет назад прочили скорый выход на пенсию. Когда-то он преподавал литературу и латынь, а потому был многословен, произносил цветистые фразы, которые редко договаривал до конца, так что понять его было трудно. Из-за маленького роста он то и дело вставал на цыпочки и напоминал собеседнику бильбоке²⁵.

– Мне крайне неловко, мадемуазель Бельмонт, – сказал он, потирая ладони. – Вы ведь знаете, я не привык обращать внимание на досужие разговоры...

Луиза насторожилась. Наступила эпоха слухов, и один из них касался лично ее. Заметив смятение молодой женщины, директор распетушился:

– И уверяю вас, меня совершенно не смущают... эмансипированные женщины!

– Что происходит? – Луиза испугалась.

Простота вопроса поставила директора в тупик. Его нижняя губа задрожала, седая борода затряслась, он все-таки боялся женщин. Отдышавшись, бедняга открыл ящик письменного стола и положил перед Луизой мятый номер «Пари-Суар» – его явно держал в руках не один человек.

ТРАГИЧЕСКОЕ САМОУБИЙСТВО В ОТЕЛЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОГО ОКРУГА

Учительница, проститутка «по случаю», найдена голой на месте драмы.

Статья, явно написанная по горячим следам, изобиловала множеством неточностей, но в ней не было ни одной фамилии, и Луиза могла бы изобразить неведение, но так разнервничалась, что у нее даже руки задрожали.

– Газетчики развлекают неприхотливую публику всякой ерундой, мадемуазель Бельмонт. *Sic transit gloria mundi*²⁶.

Луиза посмотрела директору в глаза, поняв, что это не конец. Он протянул ей еще одну газету.

САМОУБИЙСТВО В ЧЕТЫРНАДЦАТОМ ОКРУГЕ: ТАЙНА РАСКРЫТА

Доктор Тирьон покончил с собой в обществе учительницы, за чьи прелести он щедро заплатил.

– Если вам нужен мой совет, мадемуазель, скажу следующее: *Ne istam rem flocci feceris...*²⁷

Назавтра Луиза пришла в школу в угнетенном состоянии. Учительница музыки притворилась, что не заметила ее. Мадам Гено шипела Луизе вслед, когда та шла по коридору. Даже коротышка-директор не смел встретиться с ней взглядом. Она стала неприкасаемой. Все коллеги, как и судья Лепуатвен, считали ее шлюхой.

Вечером она остригла волосы короче обычного, утром, перед выходом из дома, впервые в жизни накрасилась, а на первой же перемене закурила сигарету.

Женщины демонстрировали осуждение, мужчины – интерес, и Луиза подумала: «Почему бы тебе не переспать с каждым, милочка?» Она насчитала двенадцать «объектов», хмыкнула – а что, вполне реально! – и вообразила, как отдается классному надзирателю в нетрадиционной позе, на столе, в своем классе. Неизвестно, что он почувствовал, но глаза опустил и покраснел.

²⁵ Бильбоке – игрушка; представляет собой шарик, прикрепленный к палочке. В процессе игры шарик подбрасывается и ловится на острие палочки или в чашечку.

²⁶ Так проходит мирская слава (лат.).

²⁷ Здесь: наплюйте (лат.).

Директор обнаружил разрушительное действие красной помады и подведенных глаз на группу половозрелых мужчин и произнес со вздохом сожаления:

– *Quam humanum est! Quam tristitiam!*²⁸

Луиза получила некоторое удовольствие, изображая продажную женщину, но почти сразу почувствовала себя еще более одинокой, чужой всем, опозоренной и выбросила сигареты.

Все стало иначе, как только изменилась военная ситуация.

Школу, как и всех парижан, охватили мучительные опасения. Вторжение в Бельгию подтверждало прогнозы армейских руководителей, но появление немцев в Арденнах противоречило предсказаниям. Новое наступление газеты комментировали по-разному, выражая тем самым всеобщую неуверенность. «Энтрансижан» напечатала на первой полосе статью под успокоительным заголовком «Немецкое наступление остановлено», а «Ле Пти Паризьен»²⁹ утверждала, что враги «подошли к Маасу, между Намюром и Мезьером». Ну и кому верить, скажите на милость?

Консьерж, скептик с желтушным цветом лица, задал риторический вопрос:

– Ну так откуда пойдут эти черти, из Бельгии или со стороны Арденн?!

Следующие дни ничего не прояснили. Журналистский разнобой раздражал и пугал. «Враг никоим образом не повредил наших главных линий обороны...» «Захватчики неуклонно продвигаются вперед...» Школа пребывала в смятении – людей пугала подступившая к порогу война, и этот первобытный страх не могли перебить даже волнующие разоблачения, приправленные утонченным ароматом разврата и запретного плода, связанные с Луизой.

Она все время спрашивала себя: «Что я тут делаю? Никто не желает общаться со мной, так, может, пора изменить жизнь? Но как? Мсье Жюль не в состоянии платить мне полную зарплату, а я умею делать две вещи – читать детям и подавать клиентам телячьи щечки под соусом. Остается надеяться на чудо. Как всем...»

В пятницу вечером Луиза вернулась домой без сил, бросила сумку на кухонный стол, подошла к окну и посмотрела на витрину «Маленькой Богемы». Вот бы мсье Жюль навестил ее сейчас... Она как наяву услышала его громогласные комментарии по поводу войны с немцами, которыми он «пользовал» клиентуру, улыбнулась и вдруг поняла, что жует, даже не сняв пальто. Что-то с ней не так.

Поступок доктора Тирьона, смысл которого так и остался для нее непостижимым, продолжал разрушать жизнь Луизы.

²⁸ Как это по-человечески! Как печально! (лат.)

²⁹ «Ле Пти Паризьен» («Le Petit Parisien») – одна из популярных французских газет, существовавшая с 1876 по 1944 г. Основана прокурором Республики Луи Андриё, имела леворадикальную направленность. Руководство газеты публиковало материалы, следуя изменениям политического курса Франции. Редакторская позиция в 1938 г. склонилась в сторону поддержки Мюнхенского соглашения по вопросу о разделе Чехословакии и резкой критики большевистского режима в СССР. С 1940 по 1944 г. газета сотрудничала с режимом Виши. В 1944 г. была закрыта.

9

– Конечно...

У шестидесятилетнего начальника цензурного комитета было кукольное лицо с капризным изгибом губ, придававшим ему обиженно-расстроенный вид. Впрочем, обида была ни при чем: на этого человека давили усталость и груз ответственности. Управлять министерством, а это пятьсот пятьдесят цензоров, в большинстве своем – выпускники Эколь Нормаль, кандидаты наук, преподаватели, офицеры и дипломаты, – было очень непросто. Человек, попавший в отель «Континенталь», больше похожий на муравейник, чем на гостиницу, сразу понимал, что круги под глазами у этого человека появились не из-за сварливого характера супруги или превышения нормы принятого накануне горячительного.

– Мсье Сёдес³⁰, – задумчиво произнес он, – мы встречались несколько раз... Замечательная личность!

Сидевший напротив молодой человек почтительно кивнул. Его взгляд за толстыми стеклами круглых очков казался странно ускользающим, как у всех рассеянных людей. Чиновник часто видел подобное застенчивое и одновременно нетерпеливое выражение лица у интеллектуалов, занятых решением проблемы в какой-нибудь сложной дисциплине, например в восточных языках. На его столе лежало письмо из Французского института Дальнего Востока в Ханое, подписанное директором Жоржем Сёдесом, горячо рекомендовавшим своего ученика как человека серьезного и бесконечно ответственного.

– Вы говорите на вьетнамском и кхмерском...

Дезире степенно кивнул и добавил:

– Еще я прилично владею тайским и джарайи³¹.

– Прекрасно, прекрасно...

Чиновник выглядел разочарованным.

– Проблема, молодой человек, не в Востоке, тут у нас все в порядке. Один преподаватель восточных языков – он теперь работает здесь – привел себе в помощь трех учеников. Так что в этом секторе полный комплект.

Дезире часто заморгал – да, он понимает, конечно, ничего не поделаешь...

– Проблема возникла с Турцией – у нас всего один специалист со знанием турецкого, и его забрало к себе Министерство промышленности и торговли.

Лицо Дезире просветлело.

– Возможно, я сумею быть вам полезен...

Собеседник изумленно воззрился на него.

– Мой отец, – начал объяснять молодой человек, – был секретарем миссии, и все детство я провел в Измире.

– И вы... говорите по-турецки?

Дезире подавил застенчивый смешок и ответил с притворной застенчивостью:

– Мехмета Эфенди Пехлевана я вряд ли переведу, но с газетами, выходящими в Стамбуле и Анкаре, справлюсь...

– Великолепно!

Главный цензор, даже приложив все свое старание, не нашел бы в энциклопедии турецкого поэта, придуманного Дезире, но он и не собирался что-либо проверять, так был благодарен Провидению за удачу.

³⁰ Сёдес, Жорж (1886–1969) – французский археолог и историк, специалист по Юго-Восточной Азии. В 1929–1946 гг. работал директором Французского института Дальнего Востока в Ханое.

³¹ Язык джарайи относится к малайско-полинезийской ветви австронезийской языковой семьи.

Секретарь повел Дезире по лабиринтам роскошного отеля на улице Скриба, где в четырех номерах обретались команды цензоров.

На прощание чиновник поинтересовался:

– По какой причине вас признали негодным к строевой службе?

Дезире с огорченным видом указал на свои очки.

По реквизированному дворцу ходили мужчины в костюмах, военные в форме, деловитые студенты, секретари со стопками папок, светские дамы, но понять, кто чем занят, было непросто. Вопили парламентарии, журналисты искали «ответственное лицо», спорили юристы, судебные исполнители «бороздили» отель, позвякивая золочеными цепями, профессора строили теории, в холле какой-то театральный актер долго требовал ответа на вопрос, которого никто не слышал, а потом исчез, будто испарился. Поражало количество лиц «с протекцией» и отпрысков хороших семей. Все и каждый жаждали внедриться в этот воинственный республиканский караван-сарай, которым сначала управлял знаменитый драматург, произносивший непонятные речи, потом профессор истории, присланный из Национальной библиотеки, за которым надзирал бывший «злой цензор» из Министерства информации. «Континенталь» напоминал светский бордель и как магнит притягивал к себе интеллектуалов, женщин, уклонистов, студентов. И авантюристов. Дезире мгновенно почувствовал, что он на своем месте.

– С турецкой прессой вам придется повозиться, молодой человек, нужно ликвидировать завалы...

– Я постараюсь нагнать, господин директор.

Секретарь оставил Дезире на пороге комнаты, такой тесной, что и профан сообразил бы, сколь малое значение правительство придает отношениям с Турцией. Стоявший в центре стол был завален газетами и журналами, чьи названия Дезире не смог бы прочесть. Впрочем, его это нимало не волновало.

Он пролистал каждую, некоторые смял, кое-что вырезал и отправился в архив, где разжился французскими ежедневными газетами за последние несколько недель и составил список данных о Франции и союзниках, якобы почерпнутых из турецкой прессы.

Уверенный, что никому не придет в голову сравнить его произведение с нотами или коммюнике посольств о богом забытой дыре, списав несколько фраз-подводок из франко-турецкого словаря 1896 года, он начал строчить восторженное заключение, объясняя, что турецкий нейтралитет является предметом борьбы между движением *Merkezsol* («Левый центризм»), основанным новым лидером Нури Вехфиком, и прозападным меньшинством *Ilimli sag* («Научное право»). Чего в действительности добивались главные действующие лица, придуманные Дезире, не смог бы определить самый проницательный аналитик, но общий тон первого опуса был призван успокоить читателей: «Прихожая Востока и Запада, Турция могла бы вызвать у нас тревогу, ввяжись она в европейский конфликт, однако, как доказывает внимательное прочтение турецкой прессы, влияние Франции на эту страну не ослабевает. Две оппонирующие друг другу группировки питают к нам самые лучшие чувства. Франция найдет искреннего, надежного и сильного союзника на родине османского писателя-суфия Мухьи Гюльшени и первого президента Турецкой республики Мустафы Кемаля Ататюрка».

– Блестяще.

Руководитель службы был очень доволен, хотя прочел только заключение, призванное развеять страхи и успокоить население.

Турецкие газеты попадали в Париж нерегулярно, и Дезире проводил большую часть рабочего дня в коридорах. Обитатели «Континенталья» привыкли видеть его бродящим между гигантскими колоннами розового мрамора, на лестнице и в перистиле. Высокий молодой человек, робкий и замкнутый, нервно моргал, здороваясь и прощаясь, и выглядел таким неловким, что вызывал у мужчин насмешку, женщины же находили его трогательным.

– Вы-то мне и нужны!

Главный цензор все больше напоминал шеф-повара, озабоченного притоком едоков. Цензурировалось все: радио, кино, реклама, театр, фотографии, книги, песни, докторские диссертации, отчеты общих собраний акционеров. Работы было невпроворот, и бедняга не знал, за что хвататься в первую очередь.

– Идемте, мне нужен человек на телефоне.

Служба телефонной цензуры располагалась в апартаментах на последнем этаже, сотрудники сидели в наушниках, слушая и прерывая разговоры солдат, звонивших домой из казарм, журналистов, общающихся с редакторами, и вообще все контакты, при которых могли быть разглашены секретные сведения. Контролю подлежало все, никто толком не знал, что делать, задача была необъятная.

Дезире выдали сборник толщиной в руку, где были собраны все «запретные» сюжеты – от перемещений генерала Гамелена до прогноза погоды на день, от информации о ценах на продукты до пацифистских выступлений. Все, что могло бы оказаться полезным врагу или подорвать моральный дух французов, подлежало жесткой цензуре.

Дебютом Дезире стал разговор рядового второго класса из Витри-ле-Франсуа с невестой.

– У тебя все в порядке, дорогой? – начала она.

– Тише, тише, тише! – прервал девушку Дезире. – Никаких упоминаний морального духа наших войск.

Она растерялась, помолчала и задала следующий вопрос:

– Ну погода хоть хорошая?

– Тсс-тсс-тсс, – вмешался Дезире. – О метеоданных говорить тоже не следует.

Последовала долгая пауза.

– Дорогая...

Солдат замолчал, ожидая, что его заставят замолчать, не дождался и продолжил:

– Что там у нас со сбором винограда?

– Ш-ш-ш... Французское вино относится к товарам стратегического значения.

Парень разозлился – больше из-за собственного бессилия – и решил свернуть беседу:

– Послушай, сокровище мое...

– Нет, нет, нет! Ни слова о Банке Франции.

Глухое молчание.

Девушка решила:

– Ну ладно, пока, оставляю тебя твоим...

– Забудьте о поражении!

Дезире был в ударе...

Два дня он выкладывался до предела и очень пожалел, когда приболевший коллега вернулся на рабочее место. Работа на «турецком фронте» много времени не требовала, и Дезире был счастлив заняться перлюстрацией писем. Он ввел несколько удачных новшеств, заслужив всеобщее восхищение.

Для начала усердный служака решил внедриться в синтаксис и упразднил все глаголы. Адресаты читали такие вот послания: «Мы... ферма, ты... Мы... от одного наряда до другого и не... что тут... Ребята часто... все...»

Каждое утро служба цензоров получала новые инструкции, которые Дезире брался исполнять с точностью и усердием. Если ему приходилось цензурировать информацию о пистолете-пулемете MAS-38³², он, помимо глаголов, вымарывал все «М», «А» и «S». Получалось нечто невообразимое!

³² MAS-38 (Оружейная мануфактура Сент-Этьена) – французский пистолет-пулемет, выпускавшийся в начале войны, когда

Работу Дезире сочли очень эффективной. Доверие к нему руководителя службы стало почти безграничным, и он занялся прессой. Каждое утро молодой цензор входил в величественный зал приемов «Континентал», украшенный великолепными коринфскими колоннами, с потолками, расписанными задастыми ангелочками, садился за большой стол и занимался корректурой – вымарывал все, что считал нужным, и отсылал гранки в издательства. Сорок сотрудников, воодушевленных патриотическими чувствами и вооруженных «актуальными запретами» (они добавлялись ко всем предыдущим, так что в грессбухе было уже больше тысячи страниц), выполняли трудную, но такую важную работу по вымарыванию.

Официантка из ресторана «У Даниэля» приносила теплое пиво и волглые сэндвичи, народ обсуждал полученные указания, после чего каждый брался за «операцию очистки». Нередко из-за приказов и инструкций случались нелепости, но никто не удивлялся, читая строчку: «...которая стояла... франков в прошлом месяце, а сегодня!...»

Репутация Дезире по части «оружейного раздела» была блестящей. Коллег восхищала его логика, согласно которой цензуру следовало трактовать в «расширительном смысле».

«Индуктивное умозаключение: враг проникателен!» – вещал он, нервно моргая.

Он убедительно доказывал, что цепочка аргументов связывает слово «оружие» через слова «разрушение», «ущерб», «жертва» и «невинность» со словом «детство», а значит, любая отсылка к семейной ячейке содержит скрытый стратегический элемент и должна быть вымарана. Говорил он при этом тихим голосом и робким тоном, что делало его доводы еще весомее, а потому безжалостно вычеркивались слова *отец, мать, дядя, тетя, брат, сестра, кузен* и т. д. На театральной афише пьеса Чехова превратилась в «Три...», название романа Тургенева – в «... и...», дело дошло до «Нотр... на небесах»³³ и «Одиссеи Го...». Стараниями Дезире цензура стала одним из изящных искусств, а Анастасия, «Дама Цензура», злобная ханжа с ножницами³⁴, готовилась стать восьмой музой.

Франция уже была частично оккупирована.

³³ «Notre père qui êtes aux siècles» – начало молитвы «Отче наш» (*Отче наш, иже еси на небесех!*).

³⁴ Имя Анастасия – женская версия древнегреческого мужского имени Анастасий, означавшего «переселение». Сейчас в большинстве доступных источников переводится как «воскрешенная», «возвращенная к жизни». В XIX в. цензуру стали изображать в прессе злобной старухой с ножницами. К середине века ее окрестили Анастасией за способность воскресать, хотя мы не раз считали ее похороненной навсегда.

10

– В сторону Седана³⁵, насколько мне известно, – уклончиво ответил солдат на вопрос Габриэля.

Подобная приблизительность была неудивительна, учитывая мешанину приказов и контрприказов. Предстоял пеший марш, но ждали больше часа, прежде чем отправиться на вокзал, после чего пришла команда отходить к Майенбергу, а там почти сразу приказали вернуться на вокзал и грузиться в вагоны для перевозки скота. Немецкое наступление в Бельгии предвидели, но появление врага в Арденнах застало всех врасплох, и командование никак не могло решить, какие ответные меры следует предпринять.

Ни Шамбрие, ни Амбресак в походе не участвовали. Их послали в другое место. Старший капрал Ландрад мгновенно забыл о верных соратниках, расставание ничуть его не расстроило. Устроившись в углу вагона, он затеял игру в бонто с товарищами, которых еще не успел «ощипать», и проигравшимися, пожелавшими взять реванш. Неисправимые есть повсюду... Рауль выиграл сорок франков. Везучий паршивец! Куда бы ни попадал этот человек, он всюду находил азартную компанию.

Капрал то и дело отрывался от карт, бросал взгляд на Габриэля и улыбался так лучезарно, словно хотел сказать: «Не дуйся, братишка, все плохое осталось в прошлом!»

Габриэль чувствовал себя ужасно: болела мошонка, по которой долбанул башмаком Амбресак, к горлу все время подкатывала тошнота, и он ненавидел Ландрада.

Чувством, объединившим людей, стало облегчение.

«Мы сотрем мерзавцев в порошок!» – задыхаясь от восторга, кричал молоденький солдат.

Бесконечное ожидание «странной войны» сбило боевой настрой французской армии, и теперь его следовало подогреть. Зазвучала «Марсельеза», на привалах – они становились все длиннее – пели застольные песни.

К восьми вечера затягивали репертуар гвардейского корпуса.

Казарма в Седане оказалась очень тесной, пришлось занять столовые, переоборудовав их под ночлег. Не хватало одеял, и солдаты устроили шутивную потасовку – всем хотелось размяться.

Часом позже раздались веселые возгласы и смех, это Ландрад угощал вновь прибывших.

Габриэль сразу кинулся в сортир, чтобы оценить масштаб бедствия, и успокоился, увидев, что причинное место распухло не так уж и сильно. Когда он вернулся в казарму, Ландрад хохотнул, прикрыв рот ладонью, как будто на школьной перемене отколол удачную первоапрельскую шутку.

Габриэль смотрел на людей, набившихся в помещение. Они являли собой яркий пример *принципа смешивания* – метода, считавшегося передовым во французской армии. Военные соединения расформировывали, а потом воссоздавали, руководствуясь какой-то высшей логикой, недоступной для понимания остального мира. В казарме присутствовали солдаты четырех рот трех батальонов из трех разных полков. Никто никого не знал (ну, почти никто), единственным более или менее знакомым лицом был вышестоящий унтер. Офицеры пребывали в замешательстве. Оставалось надеяться, что командиры знают, что делают.

Накормили их едва теплым, прозрачным, как ключевая вода, супом, да и тот достался лишь некоторым счастливчикам, успевшим сунуть под черпак свою миску. Остальным пришлось жевать хлеб с невесть откуда взявшейся колбасой.

³⁵ *Седан* – город и коммуна во Франции, в департаменте Арденны, расположенный на реке Маас близ границы с Бельгией. Прозван за стратегическое положение ключом к Франции.

Между рядами обедавших ходил крупный толстый парень лет двадцати и повторял один и тот же вопрос:

– Лишних шнурков не найдется?

Рауль Ландрад опередил всех – протянул ему пару черных со словами:

– Держи. Три франка.

У солдата от удивления отвалилась челюсть. Габриэль порылся в вещевом мешке.

– Вот, возьми эти.

Жест был недвусмысленным – он отдавал шнурки даром. Рауль пожал плечами – «не хочешь, как хочешь»...

Счастливый обладатель шнурков плюхнулся рядом с Габриэлем.

– Ты мне жизнь спасаешь...

Габриэль покосился на хищный профиль Ландрада – тот уже проворачивал следующий *гешефт*, продавал товарищам сигареты. Поймав взгляд Габриэля, он ухмыльнулся, и тот подумал: «При случае он не задумываясь пнет меня ботинком по ребрам... а потом и по яйцам ударит...»

– Я попал на одежный склад одним из последних, – продолжил свой рассказ солдат, расстегивая китель. – Обувка осталась или совсем маленького, или огромного размера. Я выбрал те, что побольше, а шнурки мне не достались.

Вокруг засмеялись. Кто-то рассказал свой любимый анекдот, другой вспомнил смешную историю. Громадный парень продемонстрировал товарищам гражданские брюки, чем еще больше разрядил обстановку: временные неудобства не могли подорвать боевой дух солдат.

Проходившего мимо офицера окликнули вопросом:

– Ну что, мой капитан, мы наконец дадим им прикурить?

– Боюсь, останемся статистами, ребята... – сожающим тоном ответил тот. – На этом участке немцы пока наступать не собираются. А хоть бы и собрались! В Арденнах боши положат много народу...

– А оставшихся мы встретим по-нашему! – воскликнул кто-то.

Капитан улыбнулся и вышел из казармы.

На следующее утро, в семь часов, Габриэль отправился с докладом: его пункт связи получил сообщение, способное испортить капитану настроение. Значительные силы немцев замечены северо-восточнее Седана.

Когда о тревожной новости доложили генералу, он высокомерно отмахнулся:

– Оптический эффект! Арденны – самые лесистые горы Франции, не забыли? Отправьте туда три моторизованных подразделения, и на расстоянии они покажутся вам армейским корпусом!

Он подошел к висевшей на стене карте, где вдоль бельгийской границы красными кнопками был выложен полумесяц. Высокий чин страдал: ему было невыносимо стоять и ничего не делать, пока другие сражаются на настоящей войне. Душа героя жаждала действий.

– Ладно, пошлем туда еще людей, – недовольно, словно бы против собственной воли, приказал он. Больше всего на свете ему хотелось вернуться домой.

Вот так и получилось, что рота в двести человек получила приказ оказать в случае необходимости поддержку 55-й пехотной дивизии, обеспечивавшей оборону главной линии на реке Маас, в тридцати километрах от Седана.

Поезд туда не ходил, и сорок пехотинцев, в том числе Габриэль, вышли на марш под командованием пятидесятилетнего капитана-резервиста по фамилии Жиберг, аптекаря из Шатору, блестяще проявившего себя на предыдущей войне.

Ближе к полудню солнце так раскошегарилось, что великолепный энтузиазм, владевший людьми накануне, быстро испарился. Трудно приходилось даже Ландраду – Габриэль неза-

метно наблюдал за ним, – он устал и готов был взорваться. Выражение его лица не предвещало ничего хорошего.

Высокий солдат, веселивший товарищей видом своих «гражданских» штанов, больше не улыбался, а счастливый обладатель новых шнурков горько сожалел, что не взял ботинки поменьше, – большие стерли ноги до кровавых мозолей. В отделении их было восемь человек, но четверых послали «на укрепление» в другое место.

– Куда вас? – поинтересовался Габриэль.

– Я толком не понял. Кажется, на север...

Небо вдалеке то и дело вспыхивало оранжевыми отблесками, вверх тянулись столбы дыма. Расстояние определить не удавалось, даже капитан не знал, происходит это в десяти или двадцати километрах. Габриэлю не нравился их поход. Сомнения и неуверенность вредят армии, это он знал наверняка. Впереди война, позади Ландрад, что может быть хуже?

Ноги у солдат отяжелели – нелегко пройти двадцать километров с полной выкладкой: вещмешок слишком большой, дурацкая фляга, притороченная к поясу, бьет по ноге... В плечи врезались лямки из грубой кожи, Габриэлю не удалось как следует их подогнать, и все тело ломило и болело. Ружье тоже казалось тяжелым, он споткнулся и едва не упал, но его подхватил под локоть Ландрад. Капрал помог, хотя после отъезда из Майенберга они и словом не обмолвились.

– Дай сюда! – велел Рауль, потянув за ремни вещмешка.

Габриэль хотел воспротивиться – и не успел, собрался поблагодарить, но Ландрад был уже на три шага впереди. Мешок Габриэля он закинул поверх своего и словно бы забыл о нем.

На большой высоте над ними пролетели самолеты. Французские? Немецкие? А черт их знает...

– Французские, – сказал капитан, он приставил ладонь ко лбу, как индеец-следопыт, и до рези в глазах вглядывался в опознавательные знаки на фюзеляжах.

Вид крылатых машин успокаивал, как и поток беженцев из Бельгии и Люксембурга: большинство людей ехали на машинах и очень радовались встрече с войсками, направлявшимися навстречу врагу. Местные жители вели себя сдержаннее, разве что выкрикивали лозунги предыдущей войны («Мы их сделаем!») и поднимали вверх сжатый кулак. Двадцать лет прошло, а они не забыли...

Солдаты начали ворчать, и командир объявил привал: они преодолели двадцать три километра, нужно поесть и дать отдых телу.

Разделив хлеб и вино, они рассказывали друг другу военные истории, шутили. Самым смешным показался анекдот о некоем генерале Буке, уверявшем солдат, что самым действенным оружием против немецких танков является... обыкновенная простыня. Вояка предлагал следующий маневр: четыре человека берутся за углы, натягивают, скоординированным движением бросаются к танку и закутывают башню. Ослепленный экипаж вынужден сдаться. Смех прозвучал... неловко... Габриэль не знал, верить рассказу или нет, но впечатление он произвел воистину гнетущее. «Неужели генерал мог придумать подобный бред?» – думал он и не находил ответа. Пора было возвращаться в строй. *Давайте, ребята*, подгоняли унтер-офицеры, *еще одно усилие – и мы искупаемся в Маасе, ха-ха-ха*.

– Спасибо, – бросил Габриэль, поднимая с земли свой вещмешок, лежавший рядом с Раулем.

Ландрад шутливо отдал честь:

– Рад был помочь, старший сержант!

Вторая часть пути мало чем отличалась от первой, разве что бредущие навстречу беженцы были не так разговорчивы, возможно, потому, что многие несли на руках детей и

слишком устали, убегая от немцев. Никто не смог сообщить стратегически полезную информацию.

Они снова прошли мимо отдельно стоящего бетонного строения.

– Черт возьми...

Габриэль вздрогнул – Ландрад подкрался совершенно неслышно.

Недостроенные укрепления и блокгаузы выглядели заброшенными и ничем не напоминали Майенберг. Брошенные, заросшие плющом, они напоминали руины, ничуть, впрочем, не живописные. Ландрад сплюнул на землю и сказал, с ухмылкой кивнув на гульфик Габриэля:

– Скоро пройдет, не переживай.

Ответа он не дождался.

Соединившись наконец с частями, занимавшими позиции вдоль берега реки, солдаты из роты Габриэля испытали разочарование: они совершили сорокапятикилометровый марш-бросок, вымотались до предела, а встретили их без восторга. Нечему было радоваться – солдаты 55-й дивизии ожидали гораздо более убедительного подкрепления.

– Что прикажете делать с вашими двумя сотнями?! – разорвался подполковник. – Мне требуется втрое больше!

Самолеты больше не летали, не было смысла требовать более массовой поддержки. Звуки артобстрела отдалились, новая информация не поступала, если не считать факта «присутствия крупных сил противника» на другом берегу Мааса, что, как всем было известно, являлось *оптическим обманом*.

– Я должен защищать двадцать километров береговой линии! – кричал офицер. – От меня потребовали усилить двенадцать опорных пунктов! Это не линия фронта, а кусок дырявого сыра!

Такое положение могло представлять опасность в одном случае – если немцев окажется очень много и они будут хорошо вооружены, во что никто не верил. Нет, боши нападут с бельгийской территории.

– А как вы назовете то, что слышите? Кошачьим мяуканьем?!

Все прислушались: на северо-востоке бахали пушки.

– Что сообщает воздушная разведка? – спросил капитан, бывший на гражданке аптекарем.

– Ничего! Они не летают! Не ле-та-ют!

Лейтенант слишком устал, чтобы продолжать разговор, он закрыл глаза, надеясь хоть немного отдохнуть, но командир уже объявил общий сбор офицеров и развернул карту.

– Пошлем ребят разведать, что затевают боши на том берегу Мааса. Нужно прикрыть их отход. Вы станете тут, вы – там, вы – дальше, вот здесь...

Он провел пальцем по извилистой линии на карте, указал капитану Жибергу на приток Мааса Трегьер, который образовывал петлю в форме буквы «U», вывернутую на манер колокола.

– Займете позицию в этом месте. Исполняйте.

Они взяли личное оружие, подняли в кузов грузовика ящики со снарядами и полевую кухню, прицепили 37-миллиметровую пушку и отправились в путь по каменистой тропе.

Двадцать оставшихся от роты человек углубились в лес. День катился к закату, поселяя в душах людей неуверенность.

Небо на севере затянули тяжелые низкие тучи. Поток беженцев вдруг иссяк, видимо переместившись ближе к реке. Никто не рисковал высказываться открыто, но все понимали: либо враг ожидается на этом направлении – и тогда плохо вооруженная часть не остановит его, даже при поддержке артиллерии, либо бояться нечего – и тогда пусть кто-нибудь объяснит, зачем их сюда отправили...

Габриэль догнал капитана Жиберга и услышал, как тот бормочет: «Только дождя нам не хватало...» Через несколько минут небо разверзлось.

Мост через Трегьер, построенный в прошлом веке из бетона, успел обветшать, но сохранил буколическое очарование и, несмотря на то что был узковат, годился для проезда большегрузного транспорта.

Лейтенант приказал накрыть брезентом пушки и ручные пулеметы (великолепные новенькие FM 24/29). Солдаты не без труда, увязая в грязи, поставили палатки, и шестеро первых, недовольно ворча, отправились охранять мост с двух сторон.

Рауль Ландрад, по обыкновению, отлично устроился. Ему поручили руководить разгрузкой ящиков со снарядами, он воспользовался положением старшего капрала и засел в кабине грузовика, откуда и наблюдал за суетившимися под дождем товарищами.

Капитан Жиберг подошел к Габриэлю, организовавшему пункт связи под брезентовым навесом, чуть в стороне от остальных:

– Доложите, сержант, есть связь с артиллеристами?

Предполагалось, что в случае наступления огонь из всех орудий сможет удерживать немцев на расстоянии.

– Сами знаете, мой капитан, – отвечал Габриэль, – нам запрещено связываться с ними по радиации...

Офицер задумчиво потер подбородок. Штаб не доверял рациям – уж слишком часто и непредсказуемо нарушалась связь. Огневую поддержку можно было запросить, только запустив сигнальную ракету. Вот тут-то и возникла... «проблемка».

– Никто в части не умеет обращаться с новыми ракетницами, и инструкции к ним нет.

Верхушки деревьев дальнего леса снова окрасились в оранжево-багровый цвет, грохотала канонада.

– Наши стреляют по башням, – бросил лейтенант, и Габриэль почему-то вспомнил девиз генерала Гамелена: «Отвага, энергия, доверие».

– Наверняка... – ответил он. – Больше никому...

11

Огромный салон «Континенталья» был под завязку забит людьми, но мужчины и женщины продолжали прибывать. Переступив порог, каждый брал с подноса бокал шампанского небрежным, отрепетированным за многие десятилетия жестом, делал глоток, узнавал знакомого, стоявшего у кадки с вечнозеленым растением, окликал его (или ее) и направлялся к противоположной стене, оберегая бокал, как огонек зажигалки в ветреный день.

Уже двое суток в воздухе витала смесь тревоги с облегчением, доверия с помутнением рассудка, до крайности возбуждая толпу. Итак, свершилось. Война. Настоящая. Всем не терпелось узнать больше, люди рвались в «Континенталь», где билось беспокойное сердце Министерства информации. У дипломатов просили аудиенции, военных брали штурмом, журналистов осаждали, новости передавались из уст в уста: *Королевские ВВС бомбили Рейн, бельгийцы – молодцы...*

Один генерал разочарованно процедил, затушив сигарету: «Война окончена», чем очень впечатлил публику. Фразу повторяли – академик доносил ее до университетского профессора, дама полусвета делилась с банкиром, – и в конце концов она дошла до Дезире. С десятков взглядов жадно караулили его реакцию: уже два дня молодой человек зачитывал официальные коммюнике на пресс-конференциях и считался очень хорошо информированным человеком.

– Франция и ее союзники, безусловно, держат ситуацию под контролем, – начал он сдержанным тоном, – но заявлять, что война окончена, пожалуй, преждевременно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.